

Отмычки Бела

Олаф Бьорн Локнит
Повелитель молний

«Лениздат»

2000

Локнит О.

Повелитель молний / О. Локнит — «Лениздат»,
2000 — (Отмычки Бела)

Юный Конан прибывает в Город Воров Шадизар. Он знакомится с шайкой воров живущих в таверне «Уютная Нора». Вместе они попадают в разнообразные приключения в которые встревает даже сами Боги...

© Локнит О., 2000

© Лениздат, 2000

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олаф Бьорн Локнит Повелитель молний

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ АВАНТЮРИСТЫ НА ВОЛЬНЫХ ХЛЕБАХ

Текст сей рукописи приписывается сочинителю Гаю Петрониусу Тарантийскому (подлинное имя – барон Хальк фон Юсдаль (1263–1342); в 1288–1305 годах по основанию Аквилонии занимал должность хранителя государственных архивов при короле Конане I Киммерийце).

Первоначальный, более краткий, вариант повести обнаружен на страницах небезызвестной «Синей, или Незаконной хроники Аквилонского королевства» (том третий, условно именуемый «Неоконченные предания», записи начала 1290 года).

Подлинник расширенной и дополненной рукописи датируется 1291 годом и является собственностью Тарантийской королевской библиотеки. Неоднократно высказывалось предположение, что использованный сюжет имеет под собой реальную основу – воспоминания короля Конана о годах молодости, хотя большинство историков и литераторов склонны относить произведения «Гая Петрониуса» к разряду апокрифических сказаний, изрядно искажающих подлинные события в угоду непритязательным вкусам читающей публики и рассматривать их в качестве псевдоисторических фантазий.

Ибо трудно всерьез поверить в то, чтобы Светлые и Темные божества в наше время соизволили снизойти на нашу многогрешную землю и лично вмешаться в мелкие междоусобные дела смертных!..

ПРОЛОГ

Сокровищница

Общеизвестно, что хранилища драгоценностей должны располагаться под землей – чем глубже, тем лучше. Их запирают на всевозможные хитроумные замки, для верности снабженные паутиной заклинаний, выставляют у входов разнообразную стражу, всячески скрывают месторасположение... Однако всякий владелец мало-мальской суммы денно и ночью будет трястись над ее сбережением, выдумывая новые и новые способы борьбы с охотниками до чужого добра.

Владелец этой сокровищницы, похоже, задался целью нарушить любые мыслимые и немыслимые каноны.

Она вообще не запиралась, в высокие узкие окна свободно залетал ветер, безмятежно разгуливая по анфиладам, отделанным черно-синеватым мрамором с золотыми прожилками. Цепочка залов начиналась где-то в бесконечности и заканчивалась приблизительно в тех же краях. Одно помещение сменялось другим, кованые бронзовые двери стояли нараспашку, и любой желающий мог совершить крайне познавательную прогулку, знакомясь с собранными здесь предметами.

Разнообразная коллекция заслуживала самого пристального внимания. Тут хранилось все, что способно представить себе воспаленное воображение вора, завоевателя или торговца древностями.

Деньги, отчеканенные во времена, когда землей правили не люди, тогда больше напоминавшие животных, а совсем иные существа. Золотые, серебряные, бронзовые, латунные, платиновые, круглые, квадратные, шестиугольные, с отверстиями посередине, с профилями давно сгинувших королей и гербами исчезнувших стран, монеты заполняли сундуки красного дерева и просто валялись на полу, точно их небрежно раскидали, а затем поленились сложить обратно.

Оружие. Залежи драгоценных камней – граненых и необработанных. Кольца, броши, фибулы, подвески, браслеты, цепочки, диадемы. Шкатулки с крохотными флакончиками, полными разноцветно переливающимися жидкостями. Посреди одной из зал громоздится чучело вороного коня, на нем восседает скелет, принадлежавший некогда человеку огромного роста. Лошадь и всадник с ног до головы закованы в глухие доспехи вороненой стали с золотой насечкой. По острым железным изломам безостановочно скользят красные, белые и лиловые искры. Жезлы, украшенные изображениями невиданных созданий. Кубки, вазы, чаши из металла, дерева и кости. Пестрые витые раковины. Кусочки тепло мерцающего янтаря. Статуи – мрамор, бронза, алебастр. Развешанные по стенам щиты причудливых форм, в трещинах и следах нанесенных ударов.

И ни единой живой души. Только холодный ветерок, сосредоточенная торжественность и время – медленная прозрачная река.

Распластавшись вдоль стены, человек пристально обозревал скрывавшееся за распахнутыми дверями помещение. Убедившись, что опасности вроде не предвидится, коротко махнул рукой.

Безмолвная и безлюдная комната разом оживилась. Четыре быстрые, проворные фигуры закрутились среди сундуков, шкатулок и хрустальных ящичков. Пятый, карауливший и вроде бы распорядившийся, застыл подле дверей, поглядывая одним глазом вдоль анфилады, другим – на своих подчиненных. Те, впрочем, в указаниях не нуждались, умело и без излишней суетливости перебирая россыпь хранящихся в зале предметов. Предпочтение отдавалось вещам поменьше и подороже, либо же необычным. Плотные кожаные мешки, болтавшиеся за спинами

и на поясах грабителей, заметно оттопыривались, цепкие руки хватали сокровища, глаза оценивали чистоту камней и мастерство отделки, приглянувшееся стремительно исчезало, ненужное возвращалось на место.

Тихий свист заставил всех вздрогнуть и на мгновение отвлечься, но работа не прервалась. Только предводитель сорвался со своего поста у дверей и скользящим шагом направился к подавшему тревожный сигнал – невысокому темноголовому парню, умудрившемуся где-то заработать шрам от угла глаза до уха. Воришка одолел замок большой вычурной шкатулки красного дерева и яростными жестами подзывал жоака взглянуть на свою добычу.

– Она? То, что нам нужно?

Главе шайки лет тридцать, это гибкий, жилистый, узколицый человек, из тех, что умеют растворяться в любой толпе и появляться, когда их совершенно не ожидают. Единственная примета, бросающаяся в глаза – белые, выгоревшие на солнце волосы, затянутые в длинный хвост. Свое первое прозвище, Снежок, он получил именно из-за цвета шевелюры, но теперь его зовут Ларк, то есть Гончая. Настоящее имя он давно забыл. Белая Гончая. Для города, в котором он живет, этого вполне достаточно.

Ларк заглядывает в шкатулку, приподнимает бровь и обеими руками осторожно извлекает ее содержимое. На свет, отбрасывая радужные блики, является причудливое конусообразное сооружение из тускло горящего золота, высотой около пяти-шести пальцев, усеянное в живописном беспорядке мельчайшими алмазами и рубинами. Вершину короны или тиары украшает свернувшаяся в тройное кольцо серебряная змейка, держащая в пасти собственный хвост. У змейки изумрудные глаза и хитроватая мордочка.

Силли, воришка со шрамом, которому принадлежит честь находки, аж взвизгивает и подпрыгивает, поняв, что именно разыскал.

– Мешок, – бросает Ларк. Пустой мешок с предусмотрительно распяленной горловиной возникает, словно из воздуха. Сверкающая корона исчезает, шнурки затягиваются. – Представление окончено. Уходим.

Еле слышное недовольное ворчание, однако спорить с предводителем никто не решается. В кожаные торбы отправляются последние трофеи, Силли, пакостно хмыкая, достает припрятанную в кошеле крохотную золотую подкову. Дышит на нее, старательно протирает рукавом, любуясь чистым блеском, и небрежно швыряет на грудь рассыпанных монет.

Одновременно с тихим звяканьем приземляющейся безделушки в зале появляется новое лицо – стражник. Не врывается, не выходит из гладкой каменной стены, просто возникает в дверях, и озирается, медленно поводя головой.

Издали охранник сокровищницы напоминает человека – две руки, две ноги, туловище и голова – наглухо, от макушки до пяток, затянутого в одеяние из блестящей черной кожи. Вместо глаз сияют два прозрачно-розоватых камня, на левом плече болтается легкий шарф зеленого цвета. Страж вооружен длинным, расширяющимся на конце клинком, напоминающим ятаган, и пускает его в дело, не раздумывая.

Первой жертвой становится человек, к которому по неведомым причинам давно прилипла кличка Грызун. Он замешкался, не ожидая столь внезапного нападения, и даже не попытался уклониться от опускающегося на него меча. Короткий хрустяще-хлопающий звук, и черная фигура с зеленой лентой на плече, перешагнув через рухнувшее тело, устремляется вслед за отступающими грабителями. К нему присоединяется животное дымчатого цвета, отдаленно похожее на сторожевую собаку, но раза в два крупнее. Тварь выскользнула из колынувшейся складки воздуха и, цокая когтями по плитам, помчалась через залы.

Шайка удирает. Кто-то оглядывается, на бегу запускает в преследователя узкими метальными клинками, два из которых попадают в цель. Стражник, похоже, не замечает, что из

него торчат рукоятки ножей. С равным успехом лезвия могли воткнуться в дерево – ни вскриков, ни крови.

Серый оскалившийся пес догоняет воров и с размаху обрушивается на типа, известного как Локет. Человек и зверь, рыча, вопя и брыкаясь, катятся по полу, сбивают с ног Силли, тот визжит и зовет на помощь. Локет наотмашь бьет собаку в бок кинжалом – раз, второй, третий. Пес истошно воет, щелкает клыками, выпускает добычу. Подоспевший к месту схватки стражник вздергивает человека на ноги. Освободившийся Силли на четвереньках юркает в узкий проход между сундуками, волоча за собой позвякивающую торбу, и затаивается.

Животное корчится на мраморном полу, пятная его брызгами пены из пасти, суча лапами и разбрызгивая странно темную кровь. Локет голосит и отбивается от стражника. В пылу сражения позабытый пятый компаньон, Ильгар, умудряется подкрасться к охраннику сзади и набросить ему на шею петлю, сплетенную из тонких металлических нитей. Хороший рывок, и страж неуклюже заваливается набок, выпуская из рук ставший бесполезным меч.

– Быстрей, быстрей! – это кричит Ларк, но его не слышат. Уцелевшие люди вытаращенными глазами пялятся на трупы собаки и хранителя сокровищницы. Вокруг них возникает ореол бледно-фиолетового, едва различимого пламени, а спустя еще миг они исчезают. На зеркально-смоляной поверхности остаются два белесых силуэта, словно неясные изображения, вытравленные кислотой на медной пластинке, и обуглившийся по краям зеленый лоскут. – Шевелитесь!

Ларк стоит возле низкой, в половину человеческого роста дверцы, за которой виднеется подвальная комната со сводчатыми потолками. Какое-то приземистое существо подпрыгивает на пороге, размахивая руками и настойчиво приказывая поторапливаться.

Поняв, что слова бесполезны, Гончая переходит к активным действиям. Он летит через комнату, сгребает Силли за шиворот и пинком отправляет в сторону двери. Воришка кубарем вкатывается в подвал, едва не сбив наблюдателя и прижимая к себе драгоценный мешок. Ларк хватается за рукав стоящего ближе Ильгара... и тут воздух снова вздрагивает, с еле слышным звоном разрываясь и пропуская двоих – совершеннейших двойников убитого охранника, только шарфы у них соответственно красного и оранжевого цветов.

Красный совершает мгновенный длинный выпад ятаганом, пробивая Локета насквозь. Человек хрипит, переламываясь в поясе и выплевывая на изрядно загаженный пол и валяющиеся повсюду кружочки монет густую струю крови. Ларк зажмуривается, его лицо на миг приобретает отрешенно-равнодушное выражение. Ильгар срывается с места, увлекая за собой предводителя. Они бегут, поскользываясь, прыгая через сундуки, опрокидывая звонко разбивающиеся хрустальные саркофаги с заключенными в них непонятными творениями, и путаясь в собственных ногах. Стражники мчатся за ними – молчаливые, неотвратимые тени.

В маленькую дверцу можно проскочить только по очереди. Силли, который уверен, что сходит с ума, и трясущееся от волнения существо рядом с ним шарахаются в стороны. Ларк головой вперед прыгает в подвал, Ильгару, отставшему всего на шаг, везет меньше. Страж с оранжевым лоскутом перехватывает его и заламывает руку за спину. Грабитель отчаянно рвется к спасительной двери, та начинает закрываться – так медленно, неторопливо и неотвратимо, словно крышка гроба... Ильгар истошно кричит, за створкой раздается сухой щелчок спускаемой арбалетной тетивы и вылетевший толстый болт кладет конец призывам неудачливого охотника за сокровищами.

Створка захлопывается прежде, чем стражники успевают добежать до нее. Еще пару ударов сердца на угольном с золотистыми разводами мраморе различима тонкая, с волосок, щель, отделявшая ее от остального камня. Вскоре она тоже исчезает – затягивается, как царапина, проведенная по тягучей смоле.

Там, с другой стороны, облегченно всхлипывает забившийся в угол Силли. Разъяренный Ларк в голос орет на низкорослое создание, только что пристрелившее его давнего напарника и друга, безуспешно требуя ответа: зачем, зачем понадобилось убивать? У Ильгара оставался шанс! Существо не отвечает, угрюмо косясь на беснующегося человека из-под нахмуренных лохматых бровей. Разряженный самострел направлен вниз, в пол.

Здесь, посреди раскиданных сокровищ, стражник с красным шарфом наклоняется, поднимает брошенный ворами предмет, молча показывает его второму и тот понимающе наклоняет голову.

– Снова, – произносит Красный. Звуки, кажется, исходят не изо рта, скрытого кожаной маской, а возникают по соседству. Может, в соседней комнате. – Они снова сделали это. Они улизнули, а все, что нам досталось – три человеческих трупа. Хозяин будет недоволен.

Кончик меча Оранжевого стража нерешительно тычется в стену, туда, где они оба только что видели открытую дверь. Сталь пронзительно скрежещет по полированному камню, не находя ни малейшей трещины.

Хранители переглядываются. Бесстрастные камни-глаза наливаются багрянцем. Не произнося больше ни единого слова, они согласованно разворачиваются и маршируют по анфиладе пустынных зал. Шагов через десять их фигуры растворяются в воздухе.

Безмолвие, тоскливый посвист ветра, черно-золотая мрачность. Теперь уже не торжественная – настороженная. Грабители проникли туда, куда доселе не входил ни один смертный. Впрочем, Бессмертные тоже попадали сюда только по особому приглашению владельца и частенько – против собственного желания. Однако сегодня нарушены любые законы и правила, значит, ожидай прихода беды. Большой беды, грозящей всем существующим мирам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Явление Чужака

Конец весны 1164 года по основанию Аквилонии.

Город Шадизар, Замора.

Он пробыл здесь всего ничего, от рассвета до наступления полуденных часов, но уже успел возненавидеть это место до глубины души.

Росказни о прекрасных и богатых городах Полудня обернулись ложью. Дорожные мытарства ничего не стоили. Он не хотел оставаться тут, но не представлял, куда можно уйти. Шадизар подавлял его скоплением огромных домов, переплетениями тесных и широких улиц, разноголосой болтовней и одуряющей, выматывающей жарой. Солнечные лучи казались осязаемыми и тянули голову к земле, точно здоровенные камни, привешенные на шею. Привыкнув терпеть лишения, он мог обходиться гораздо меньшим числом удобств, чем любой другой человек, но город просто сводил его с ума своим мельтешением и яростным поддельным блеском. Он устал, хотел тишины и покоя. И пораненным в дороге ребрам не помешал бы знахарь или лекарь, как они тут называются... Только все это стоило денег.

Денег не было.

У него вообще почти ничего не было, кроме тощего походного мешка, драной одежды, горсти чудом сохранившихся медяков и единственной по-настоящему ценной вещи – длинного тяжелого меча в ножнах, обтянутых потертой кожей. Еще сегодня утром, у городских ворот, он мог добавить к перечню своего имущества кошель с десятком золотых и серебряных монет. Однако он не заметил, когда лишился столь необходимой путнику вещи, на память о которой остались только наискось срезанные ремешки. Что ж, его предупреждали. Настоятельно советовали обойти город стороной. Он, как всегда, поступил по-своему. За что и поплатился. Придется выкручиваться.

В переулке он углядел крохотную таверну и зашел, рассудив, что в полуденный час посетителей будет немного. Значит, никто не будет глазеть на него и тыкать вслед пальцем. Не то, чтобы его это задевало, но изрядно раздражало. Он догадывался, что кажется горожанам пугающим чужаком, и признавал за ними право на боязнь.

Он и в самом деле был *другим*. Бродягой, пришедшим издалека, не имеющим ни цели, ни пристанища. Вдобавок бродягой-иноземцем, из страны, о которой здесь едва ли кто слышал.

* * *

Киршас, владелец трактира «Белый лотос», пребывал в тягостных размышлениях. Сводились они к поискам ответа на вопрос: кликнуть вышибалу и выставить подозрительного гостя за дверь, или все же чуток погодить, надеясь, что тот сам догадается убраться, не дожидаясь скандала? Держись гость хоть чуточку неуверенней, трактирщик бы не колебался. Но странный посетитель, несмотря на очевидную молодость, выглядел способным постоять за себя.

Вдобавок почтенному трактирщику очень не нравился взгляд незнакомца – непривычно светлые глаза смотрели не на собеседника и даже не в заказанную кружку вина, а в никуда. Такое чувство, что пришлец или пребывает под воздействием дурмана, или постепенно близится к последней степени отчаяния.

Так или иначе, а ему здесь не место. Пусть расплачивается, если найдет чем, и убирается. Милосердие кабатчиков, как и прочих обитателей славного города Шадизара, распространяется только на самих себя... ну, может еще на семейство и близких приятелей, и ни на кого более. В том числе на мрачных юнцов дикарского обличья, таскающих с собой мечи, больше смахивающие на плохо заточенные железные болванки. Одет плохо, рубаха грязная, лицо бледное, и если бы не загар, выглядело бы сероватым... Болен? Откуда он такой взялся?

Парень словно догадался о размышлениях владельца трактира. Поднялся, небрежно (хотя наверняка испытывая при этом настоящую муку) швырнул на стол россыпь медяшек, забрал свое страховидное оружие и направился к выходу. Его слегка пошатывало – не от выпивки, от усталости.

Дверь распахнулась настезь, впустив ослепительный поток солнечного света и разноцветный вихрь, со всего размаху врезавшийся в не успевшего посторониться посетителя. Тот крикнул и отступил назад. Вихрь замер на месте, обернувшись живым существом – рыжеватой девицей в ярких разлетающихся одеждах и смешливым выражением хорошенького скуластого личика. Впрочем, насмешка мгновенно сменилась преувеличенной серьезностью. Девица едва ли не на цыпочках обошла вокруг недоуменно косящегося на нее сверху вниз молодого человека, зачем-то ткнула пальцем в давно нечищеную бронзовую пряжку на его поясе и во всеуслышанье объявила:

– Настоящий! Кириш, а я-то обрадовалась! Думала, наконец поставили лишнюю подпорку, не дожидаясь, пока крыша рухнет на головы посетителям!

Трактирщик обрадованно хрюкнул, узнав посетительницу. Юнец сердито нахмурился. Незнакомка, взмахнув широкими полами золотисто-красного туранского халатика, подлетела к стойке, где ее ожидала предусмотрительно налитая чаша кисловатого легкого вина с кусочками льда, схватила угощение и бросилась вслед уходящему посетителю с криком:

– погоди, погоди! Стой!

Почтенный Киришас только вздохнул. Сколько он знал эту особу, известную доброй половине Шадизара под именем Ферузы, ей никогда не сиделось на месте. Впрочем, Феруза зарабатывает на жизнь, предсказывая судьбу, ей полагается вести себя не как прочие люди. Кто поверит гадалке, коли она станет похожа на обычную женщину?

Вот и теперь она догнала парня, схватила за рукав и целеустремленно потащила за собой. Толкнула на скамью, крикнула: «Киришас, вина за мой счет! Только не местного, умоляю!», сама уселась на столешнице, болтая ногами и отхлебывая из чаши. Мальчишка уставился на нее своим непонятным тяжелым, непонимающим взглядом, но ничего не добился. Пока еще никому не удавалось смутить Ферузу или заставить ее прикусить язычок.

– Я Феруза иси-Мансур-аг'Джебеларик из Турана. Во всяком случае, мой папаша родился именно там, – весело представилась девица. – Обычно меня зовут просто Феруза. А ты кто?

Ответом послужило настороженное молчание.

– Не хочешь говорить? Ладно, как знаешь. Придется болтать за двоих, только и всего.

Трактирщик принес заказанное вино, вопросительно посмотрел на Ферузу, но та махнула рукой – больше ничего не надо. Что ж, раз ее так заинтересовал этот тип, пусть сама с ним разбирается. Хотя на кой он ей сдался?

Феруза быстро оглядела выбранного ею человека. Подросток. Правда, наверняка успешный увидеть много плохого и страшного, как случается с молодыми парнями побывавшими на настоящей войне или в плену у врагов. Высок, но с возрастом вырастет еще больше. Жилист

и безусловно силен. Скорее всего сын охотника или кузнеца. По виду – смертельно устал. И полная безысходность во взгляде.

– Давно в городе? День, два или только сегодня пришел? Похоже, тебе тут не по душе? – вопросы сыпались из девицы, как горох из прорезанного мешка, и незнакомец сдался, огрызнувшись:

– Какое твое дело?

Голос у него оказался совсем юношеским, а слова он произносил с ужасающим горганным акцентом, проглатывая часть звуков, отчего понимать его становилось весьма затруднительно.

– Ой-лэ, никакого! – бодро согласилась Феруза и как ни в чем не бывало продолжила: – Видишь ли, я предсказательница. Ко мне обращаются, когда хотят узнать будущее.

– Все гадалки – мошенники, – зло буркнул парень.

– В какой-то мере, – девица согласно закивала головой. Свисавшие по обе стороны лица подвески из мелкого жемчуга сухо забренчали. – По большей части мы говорим людям то, что они хотят услышать, или то, что прекрасно известно им самим. Однако тебе ведь нужно не это?

Мальчишка против воли заинтересовался и прислушался, хотя по-прежнему глядел в изрезанные и залитые вином доски стола. Странная женщина не производила впечатления опасной и вроде не походила на уличную шлюшку. С этим племенем он уже познакомился и решил пока держаться от них подальше. Никакого удовольствия, сплошное бедствие.

Феруза прекратила раскачивать ногами, обутыми в красные сафьяновые туфельки, расшитые дешевым бисером. Киршас встревожился. Туранка Феруза слыла одной из немногих гадалок и ведуний Шадизара, которые в самом деле являлись таковыми. Она предпочитала говорить правду, редко переходя на туманный язык иносказаний.

– Ты впервые в большом городе, – девушка запустила руку в болтавшийся на поясе бархатный кошель и извлекла из него толстую стопку обтрепавшихся кусочков пергамента. С одной стороны их украшали пестрые рисунки, с другой – потускневшее изображение свившегося в кольцо дракона. Такая вещь называлась *тарок* и служила для гадания, но молодой человек никогда не слышал этого названия и просто исподлобья следил, как непонятная девица ловко перемешивает картинки. – Прodelал долгий путь, прежде чем попасть сюда. Впрочем, это любой заметит. Еще ты боишься...

– Я ничего не боюсь, – с неожиданным достоинством отрезал незнакомец.

– Боишься, боишься, – Феруза снова пропустила возражение мимо ушей. – До полусмерти боишься этого города и его жителей, но еще больше боишься показаться глупым или того, что кто-нибудь заметит твой страх. Кстати, – она прищурилась, – я не думаю, что ты глуп. Ты очень умный, но по своему... Ты чужак. Ой-лэ, заблудившийся чужак в чужой стране! Я бы тоже испугалась до полусмерти, доведись мне оказаться одной в совершенно незнакомом краю.

Она развернула колоду тарока в огромный веер, драконами вверх, провела над ним рукой, намереваясь вытащить карту, но внезапно передумала:

– Возьми сам! Потом не сможешь сказать, что я мошенничаю! Выбери любую, которая понравится.

– Они же все одинаковые, – недоуменно сказал юнец, и, поколебавшись, вытянул из середины веера первый попавшийся под руку клочок плотной кожи.

– Не переворачивай! – девушка азартно подалась вперед. – Сейчас проверим! Если там окажется не меч или не корабль, я... – она свела брови в одну линию, придумывая, – я угощу тебя обедом, вот! Теперь смотри!

Коричневатую поверхность перечеркивало изображение серебристого меча и двух скрещенных молний желтоватого цвета. Феруза неслышно хихикнула: иного расклада она и не предполагала. Вряд ли ему досталось что-то другое. Тарок, составленный в незапамятные времена туранскими гадалками, частенько сам определял, с каким человеком имеет дело. Ей

оставалось только догадаться, что означает расположение символов, и облечь его в обычные человеческие слова. Со стороны – проще простого. Но случались дни, когда Феруза сожалела, что не избрала какое-нибудь обычное женское ремесло – вышивальщицы там или торговки. Скучновато, зато надежно и спокойно.

Кажется, сегодняшний денек выдался каким угодно, только не спокойным...

– Оружие, – она забрала карту. – Тебе приходилось убивать людей?

Кивок – без особого волнения и хвастовства, почти равнодушный.

– Я защищался. Защищал свою жизнь и честь.

– У тебя ничего нет. Только меч, – Феруза заговорила быстрыми, отрывистыми фразами, не заботясь, слушают ее или нет. Ей требовалось высказать все, что она успела увидеть и почувствовать. Избавиться от узанного, как ее друзья избавляются от приметной краденой вещи. – Скоро ты захочешь есть. Тебе понадобятся деньги. Достать их можно только одним способом – заработать или украсть. Работы для тебя не найдется, разве что носильщиком на рынке или вышибалой в самом грязном кабаке. Для такого у тебя слишком много гордости внутри. Воровать ты не умеешь, но наверняка попробуешь. Возможно, в первый раз не попадешься. Новичкам везет. Через день, через два твое везение иссякнет. Ты здесь никого не знаешь и тебя никто не знает. Коли у тебя нет покровителя или заступника, непременно угодишь в Аль-Ронг или Мышеловку. Это местная тюрьма для мелкой рыбешки. Ой-лэ, плохое местечко! Попавшие туда быстро прощаются с жизнью. Как намек, чтобы другие на время притихли. Впрочем, имея друзей, оттуда можно сбежать. Но тебе сбежать не дадут. Знаешь, почему?

Она неожиданно протянула руку, звякнув медными браслетами, легко коснулась подбородка молодого человека, заставив его повернуть голову и хмуро взглянуть на нее.

– Ты умеешь драться, – не спросила, подтвердила гадалка. – Ты неопытен, но тем не менее... Тем, кто устраивает ночные бои, такие нужны. В этих боях есть два правила: проигравший умирает, победитель долго не живет. Не знаю, чья доля лучше: победителя или побежденного.

– Нет, – выдохнул парень быстрее, чем успел сообразить, что говорит вслух. – Нет. Еще раз все сначала – нет.

Девушка посмотрела на него с отстраненным сочувствием. Для нее больше не имело значения, с кем она разговаривает. Она – всего лишь звучащие картинки тарока.

– В Садок приходят не только искатели новых бойцовых псов. Догадываешься ты или нет, но ежели тебя отмыть и покормить, получится... Получится нечто своеобразное и приятное на вид. Никто тебя никогда не увидит. Только тот, кто отдаст деньги и кто возьмет. И тот, кто однажды отыщет в канаве безымянный труп.

Она перевела дыхание, рассеянно глянула на зажатую в руке карту с изображением меча, сунула в колоду и убрала ее в кошель. Предсказание завершено. Юнец пялился на нее так, словно решал, что лучше – свернуть ей шею или посчитать забавной городской сумасшедшей. Феруза устало вздохнула, допила оставшееся в чаше вино, успевшее согреться и стать отвратительным на вкус, и слезла со стола.

– Иногда я не понимаю, ради чего разливаюсь перед людьми, не приглашавшими разделить их общество, – поделилась она с покрытым трещинами потолком. – Но я говорю, что говорю. Порой я указываю на развилку, где человеческая судьба может измениться. Считаю, твоя развилка – в этом трактире. Неважно, куда ты пойдешь, когда выйдешь отсюда: налево или направо. Главное – ради чего ты это будешь делать. Ты меня понимаешь, чужак?

– Почти нет, – хмуро признался странноватый тип. – Но мне не нравится, что ты сказала. Это правда? Так будет?

– Представления не имею, – после подобных внезапных озарений Ферузе становилось тоскливо и хотелось спать. На мгновение она увидела дальнейшую судьбу незнакомца, и это видение напугало ее. Она хотела бы поскорее все забыть, но не могла. Изменить судьбу может

только сам человек, и никто другой, однако любому нужна помощь. Хотя бы на первых порах. Шадизар жесток, он холоднее горных пиков и равнодушнее пустынь. – Хочешь, пойдём со мной.

– Куда? – мгновенно вскинулся ее собеседник.

– У меня есть друзья. Если я попрошу, они согласятся кое-чему научить тебя, чтобы ты мог прожить в этом городе, – задумчиво отозвалась туранка. Эта мысль показалась ей вполне осуществимой. Пожалуй, так она и сделает, хотя крик поднимется до небес. – Идем!

– А если я тебе не верю и никуда не пойду?

– Как угодно, – Феруза преувеличенно тщательно разгладила несуществующие складки шелкового халата и сделала шаг к двери, крикнув: – Киршас, я ухожу! Спасибо!

Он заколебался. Кто знает, что за друзья у этой рыжей девчонки, наговорившей ему кучу глупостей? С другой стороны, в чем-то она права. Не зная, по каким правилам принято жить в городах, он рискует нарваться на излишние неприятности. Согласиться? Нельзя долго колебаться над решением, сомнения приводят к гибели.

– Ла-адно, – протянул он и встал.

Камни мостовой едва не плавилась от солнечного жара. Он невольно зажмурился. Девушка вытащила из рукава тонкий черно-прозрачный шарфик, набросила на голову, пряча лицо. Обернувшись, понимающе хмыкнула:

– Жарковато? Весной еще терпимо, начнется лето, будет совсем не продохнуть. Кстати, раз мы идем в одно и то же место... Может, все-таки приоткроешь завесу тайны и скажешь, как тебя называть? Если нельзя по имени, то прозвище какое-нибудь у тебя имеется? Ой-лэ, невозможно разговаривать с человеком, обращаясь к нему «Эй, ты!»

Ее спутник промолчал, но через десяток шагов неохотно буркнул:

– Люди обычно называют меня Конаном. Я родом из Киммерии. Это далеко за горами.

Любопытная Феруза уже раскрыла рот: поинтересоваться, где именно и за какими горами находится страна с таким странным названием, но здраво рассудила, что не стоит торопиться. Успеется. Нельзя требовать ответа сразу на все загадки мира.

Идти пришлось недолго – миновать пару улиц, свернуть, подняться по длинной, скрипучей деревянной лестнице и там еще шагов двести вверх по разбитой мостовой. Прохожих на глаза почти не попадалось, дома стояли притихшие и запертые. В придорожной канаве еле слышно булькала мутная вонючая жижа.

Остановились возле обычного забора из каменных валунов. Феруза бросила взгляд по сторонам и свернула под арку, в полуоткрытые ворота. Левая створка болталась на одной петле.

Забор скрывал небольшой двор, замощенный булыжниками, между которыми кое-где пробивались пыльные кусты бурьяна. В городе все так или иначе приходило в упадок – от строений до людских нравов. Посреди двора торчал фонтан: позеленевшая медная цапля с разинутым клювом, из которого в лучшие дни била струя прозрачной воды, а теперь вытекал слабый ручеек. Создавалось впечатление, будто несчастная птица находится при последнем издыхании.

Дом – двухэтажный, из желтоватого песчаника, с узкими окнами в кирпично-красном обрамлении – стоял в глубине двора. Слева к нему примыкала хлипкая на вид пристройка, откуда долетало приглушенное гоготанье, криканье и кудахтанье. К дверям вели шербопые ступеньки, сбоку на ржавом крюке болтался не горевший сейчас масляный фонарь. Над входом покачивался ярко размалеванный лист жести, укрепленный на паре цепей. Кто-то со всем тщанием и весьма похоже изобразил на нем стол, полный тарелок и кувшинов. За столом восседала большая толстая крыса с чрезвычайно самодовольным выражением морды, сжимавшая в одной лапе нечто вроде окорока, а в другой – кружку. Внизу полукругом шла надпись: «Уютная нора. Трактир со сдачей комнат внаем».

К сожалению, молодой человек не умел читать и потому не понял значения вывески. Он просто толкнул дверь (беззвучно провернувшуюся на хорошо смазанных петлях), еще раз подумал, насколько неосторожно доверять первой встречной девчонке, пусть она и выдает себя за предсказательницу, и вошел.

Внутри оказалось прохладно и темновато, откуда-то тянуло запахом поджаривающегося мяса и острых специй. Под ногами хрустели сухие тростниковые циновки, брошенные на деревянный пол.

Несколько человек, расположившихся за столами и стоявших возле стойки трактирщика, оглянулись. С равным недоумением они уставились на вошедшего, тот – на них. Разговоры и смешки затихли.

На пороге распахнутой двери, ведущей в кухню, появилась высокая фигура в пронзительно-зеленой рубашке и замшевом жилете, украшенном бахромой. Присмотрелась и озадаченно спросила:

– Феруза, это что? Я имею в виду, что ты притащила?

Взгляд в настоящее: Хозяйка гостиницы

«Нора» вот уже пять с половиной лет принадлежит женщине по имени Лоркана. Довольно-таки странноватой женщине, с привычкой произносить свое имя так, что оно звучит подобием боевого клича или вызова на поединок.

Лорна из Пайрогии.

Она гордилась своими многочисленными прозвищами, своей независимостью и способностью в любой момент ввязаться в драку и победить. Лорна Бритунийка не боялась никого и ничего, кроме старости и маячившего невдалеке одиночества.

Поэтому в один прекрасный день Лоркана Неукротимая, охотница, наемница, телохранитель и – по мере необходимости – воровка, с величайшей неохотой подсчитала прожитые годы, вздохнула и задумалась о своей дальнейшей судьбе. Становилось ясно, что молодость прошла и более она не может скакать целый день, потом пить, петь и веселиться ночь напролет, а утром с хорошо соображающей и высоко поднятой головой встречать новые каверзы судьбы.

Она поразмыслила над тем, какие возможности предоставляет этот мир женщине средних лет, привыкшей к ремеслу воина, и пришла к неутешительному выводу: очень и очень немногие. Можно плюнуть на все и вернуться на родину, в Бритунию, откуда она некогда сбежала в поисках приключений, богатства и, возможно, счастья. Она вдоволь получила первого, поменьше – второго, и самую капельку третьего, но домой ей совершенно не хотелось. Кроме того, она не представляла, чем там заняться.

Еще можно разыскать кого-нибудь из давних друзей, кто уже успел остепениться и обзавестись подходящим ремеслом, жениться («Выйти замуж!» – в очередной раз напомнила себе Лорна, привыкшая за пятнадцать лет бурной жизни думать о себе в мужском роде) и попытаться стать добропорядочной матроной.

Этот план ей не слишком нравился, и она отложила его в самый дальний уголок памяти. На случай, если не придумает ничего лучше.

Наконец, она способна завести собственное дело. У нее имеются кой-какие сбережения, почему бы не пустить их в оборот? Но каким образом? Она умеет торговаться, неплохо разбирается в лошадях, оружии, припасах и дорогах, не мошенничает без необходимости... Может, податься в проводники или сунуться в какую-нибудь купеческую гильдию – не нужен ли надежный человек, способный и товар сохранить, и хозяйскую выгоду не забыть?

Да кто ее возьмет, с ее-то лошадиной физиономией и впитавшейся в кровь привычкой распоряжаться?

И тут ей пришла в голову простая и незамысловатая мысль. Она хочет иметь постоянное и надежное пристанище, но при этом оставаться хозяйкой собственных поступков? Отлично! Тряхнем слегка растолстевшей за время странствий мошной!

Лорна Воительница превратилась в Лорну Трактирщицу. Она приобрела небольшую таверну в самом беспокойном городе, который знала – в Шадизаре. Он вполне отвечал ее слегка взбалмошному характеру: тут всегда приходилось держать ухо востро, а разнообразные посетители заведения никогда не позволяли ей заскучать. Лорна потратилась на ремонт, наняла десяток слуг и после нескольких стычек – как словесных, так и физических – заставила уважать себя как мелкую окрестную шпану, так и хозяина квартала. Она не возражала против досадной необходимости платить наравне с налогами в казну города определенную сумму местным законам, «Нора» исправно приносила доход, и бывшая наемница наконец-то почувствовала себя на своем месте.

Порой рядом с ней возникали люди, становившиеся чем-то большим, чем просто близкие друзья, но надолго не задерживались. Лорна не огорчалась – знала, что долгое соседство с ней способен вынести далеко не каждый. Уйдет один, вскорости непременно появится другой. Вдобавок кое-кто из бывших дружков являлся сюда, вынашивая пакостную мыслишку присвоить вместе с хозяйкой и трактир, а этого Лорна допускать не собиралась. Она слишком многое вложила в этот двухэтажный дом из светло-желтого песчаника, над входом в который лет пять назад собственноручно повесила лист жести с нарисованной на нем нахальной крысой. Вывеску сотворил один из первых постояльцев – не в счет оплаты долга, как сплетничали, а просто из симпатии к госпоже трактирщице.

Так она и жила: высокая, крепко сбитая женщина, годков тридцати пяти на вид (в действительности Лоркане исполнилось сорок два), светловолосая, с вечно прищуренными серыми глазами. Презирая все законы и правила приличия, преспокойно разгуливала в мужском костюме, носила с собой парочку кинжалов – один на поясе, один за отворотом сапога, держала под стойкой увесистую дубинку вместе с арбалетом и с легкой усмешкой наблюдала за бурлящим вокруг водоворотом страстей, интриг и взаимного надувательства.

Потом в трактире поселилась Компания... Иногда Лоркане казалось, что лучше бы они тут не появлялись, иногда – что они придали ее хозяйству тот необходимый штрих, без которого любая картина не производит впечатления завершенной.

* * *

Обосновавшиеся в обеденной зале люди выглядели не просто посетителями, забежавшими выпить-перекусить, а постоянными жильцами, находящимися у себя дома. Конан окинул их всех одним быстрым взглядом, прикидывая, кто может быть опасен в возможной драке (хотя этого хотелось сейчас меньше всего). Правда, нападать вроде не собираются, просто смотрят.

Человек в зеленом при более пристальном взгляде оказался решительно настроенной женщиной средних лет. Судя по слегка возмущенному тону, заведение – ее собственность. Значит, хозяйка.

Парочка у стола, заваленного пергаментами, какими-то склянками, баночками, связками перьев, шкатулками и вещичками непонятного названия и предназначения. Девица в настолько узкой юбке, что удивительно, как она умудряется ходить, и пестрой блузке с огромным вырезом, не оставляющим сомнения в ее телесных достоинствах. У девицы пышные каштанового цвета, прореженные чисто-белыми (наверняка крашеными) прядями, множество позва-

нивающих украшений на руках и шее, точеная фигурка и слегка растерянные карие глаза. На всякий случай она отступила за спину дружка, лохматого рыжего парня с острой умной физиономией, похожей на мордочку хорька или куницы. Тот сообразил быстрее: отбросил перо, которым царапал на листе пергамента, на мгновение в его руке мелькнуло лезвие ножа, тотчас скрывшееся под бумагами.

Еще один тип – невысокий, юркий, с желтоватой кожей и бегающими глазками шадизарского уроженца – расположился прямо на стойке. Перед ним выстроился полукруг различных кувшинов и бутылей, и он занимался тем, что сливал по несколько капель их содержимого в большую прозрачную чашу, помешивая настой тонкой серебряной палочкой. Когда Феруза и ее спутник появились в зале, он как раз собирался добавить очередной ингредиент, но остолбенел, не закончив движения. Бело-золотистая жидкость продолжала литься, пока его приятель, пристально наблюдавший за ходом приготовления напитка, не рявкнул с неподдельной мукой в голосе:

– Ши, ты все испортил!

– А? – коротышка встрепенулся, глянул на плод своих трудов и ойкнул. Феруза тихонько рассмеялась, сказав:

– Спорим на золотой, ты это выпьешь?

– Не пропадать же добру, – человек по имени или прозвищу Ши скорбно разглядывал содержимое чаши, приобретшее загадочный лилово-розово-голубоватый оттенок. – Ничего вы не понимаете, это ж был настоящий «Укус дракона»!

– Переименуешь в «Укус гадюки», – неуверенно подала голос чернявая девица. – Все равно никто не заметит разницы... Феруза, кто это?

– Вот и я хотела бы знать, – с расстановкой проговорила хозяйка. – Феруза, это посетитель, твой клиент или?..

– Или, – беспечно ответила туранка. – Я хочу, чтобы вы приняли его к себе.

– Не понял, – человек, стоявший рядом с Ши – судя по внешности, тоже местный, замориец, но постарше лет на пять – озадаченно нахмурился.

– Ой-лэ, чего тут непонятного, Джай! – Феруза прошла к стойке, понюхала творение Ши и брезгливо скривилась. – Тарок считает, ему самое место здесь. Все остальное он вполне способен рассказать сам. Правда, он говорит с каким-то жутким акцентом, но, раз я поняла, значит, ты тоже поймешь. Лорна, его надо хорошенько накормить и где-нибудь устроить.

Хозяйка не тронулась с места, продолжая внимательнейшим образом изучать гостя.

– Феруза, – осторожно начал рыжий, тщательно подбирая слова, – при всем моем уважении к тебе... Зачем нам еще один человек, тем более – такой? Мы ведь не благотворительное общество навроде Друзей Нуждающихся.

– А мне он нравится! – внезапно заявила его подруга и ослепительно улыбнулась. Гостя передернуло, он сделал крохотный шагок назад, к спасительной двери.

– Кэрли, дорогуша, не сочти за обиду, – холодно проговорил тип, носивший имя Джай, – но тебе нравится любое создание мужского пола в возрасте от шести до шестидесяти, которое способно пережить хотя бы ночь в твоём обществе.

– Нахал, – красотка высокомерно задрала подбородок. Рыжий украдкой кивнул, соглашаясь.

– Какой есть, – отрезал Джай и запрыгнул на стойку. – Феруза, Хисс прав. Нам пока ни к чему лишние люди. Вдобавок, если мне не изменяет память, мы договорились брать новичков только по общему решению и моему одобрению...

– Джейвар Сигдим! – туранка будто стала повыше ростом. В ее голоске зазвучала ярость. – Разве я давала тебе плохие советы? Встревала в твои дела? Отказывала в помощи? Забирала больше, чем причитается? Или я больше не одна из вас? Неужто ты хочешь сказать, что женщина должна знать свое место? А может, просто угождаешь своему гонору?

– Что? – рявкнул Джай, сваливаясь на пол и делая угрожающее движение в сторону девушки. Кэрли взвизгнула, рыжий парень, отзывавшийся на имя Хисс, закатил глаза и сокрушенно покачал головой.

– Джай, Феруза, – умоляющим тоном заканючил Ши, быстро проскальзывая между ними. – Может, хватит? Давайте поговорим, как подобает разумным людям! Джай, раз она утверждает, что нам пригодится этот тип, может, так оно и есть?

– У нас уже имеется один варвар, – как бы невзначай заметил Хисс. – Не вижу проку в содержании двоих. Все они одинаковы и почти ни на что не годны, кроме...

– Придержи язык, – резко посоветовала молчавшая до того хозяйка.

– Я не имел в виду присутствующих, – вывернулся рыжий.

Предмет разгоревшегося спора недоуменно внимал перепалке и, наконец, не выдержал. Его изрядно задевало то обстоятельство, что какие-то люди брали на себя право решать его судьбу, даже не интересуясь его мнением. Он не лошадь на базаре, чтобы быть проданным кому угодно!

– Я уйду, – он постарался сказать это как можно спокойнее. – Не знаю, с чего вы решили, будто кто-то по доброй воле согласится быть с вами. Вы умом тронутые.

Ши присвистнул и красноречиво повертел пальцем у виска:

– Я еще собирался за него заступиться... Да делайте с ним, что хотите, хоть на мелкие кусочки режьте тупым ножом. Упаси меня боги вмешиваться!

– Слушай, – обозлившийся Джай круто повернулся к гостю. – Ты здесь никто и звать тебя никак! Молчи, пока не спрашивают! Коли такой умный – катись на все четыре стороны. Посмотрим, долго ли ты протянешь! Занятые люди, понимаешь, тратят дорогое время на остолопа, вытасченного из канавы, а он еще смеет открывать рот и что-то лепетать! Кто ты вообще такой? Грязный, вонючий, тупой варвар!

– Несет от тебя, парень, в самом деле изрядно, – с ухмылкой поддержал Хисс. – Феруза, в какой выгребной яме ты его отыскала?

– У Киршиса, в «Белом лотосе», – буркнула туранка.

– Действительно, яма и дыра, – весело согласился рыжий. – Нет, радость моя, твои предчувствия – предчувствиями, а я против. Кэрли, подумай, прежде чем говорить.

Девушка последовала совету друга, хотя физиономия у нее стала весьма разочарованной.

– Лорна! – в отчаяние Феруза воззвала к содержательнице заведения. – Скажи хоть ты!

– Я даю вам крышу над головой и присматриваю, чтобы никто не оставался голодным, – пожала плечами невозмутимая трактирщица. – Принимать кого или нет – целиком и полностью дело вашей шайки и Джая, как предводителя.

Натолкнувшись на столь дружный отпор девушка сникла. Приведенный ею человек, впрочем, и не рассчитывал на иной прием. В этих городах люди давно забыли о гостеприимстве. Все, о чем они способны думать – деньги и выгода. Надо убираться отсюда. И поскорее.

– О чем крик?

Голос доносился сверху, с маленького балкона, куда вел десяток деревянных ступенек, и сопровождался грузными шагами. Услышав их, Кэрли торопливо удалилась за стойку, поближе к хозяйке и открытой двери кухни. Хисс соорудил недовольную гримасу и отступил за стол. Джай и Феруза покосились друг на друга: она – сердито, он – чуть презрительно.

По жалобно поскрипывающей лестнице неспешно спускался гигант. Если бы стеноломная башня приобрела человеческий облик, она, наверное, выглядела бы именно так.

Башню звали Райгархом. Полгода назад Лорна имела неосторожность поверить рекомендациям Джая и нанять одного из его знакомых в качестве вышибалы взамен прежнего, уволенного за пренебрежение обязанностями. Вообще-то в случае необходимости Лорна отлично могла сама надавать по головам и подвернувшимся частям тела любым забиякам, но предпо-

читала, чтобы этим занимался кто-нибудь другой. Хватит с нее драк. Положение обязывает и все такое.

Спустя луну ехидный Хисс осведомился, в чем состоят обязанности нового стража порядка и кого он охраняет – таверну или собственно Лорну. Бритунийка собралась выдать насмешнику все причитающееся, но махнула рукой и ответила:

– Много ты понимаешь...

– В тяготах одинокой женской души? – уточнил Хисс, привычно увертываясь от подза- тыльника, и вкрадчиво добавил: – Подобное, впрочем, всегда тянется к подобному.

К чести Райгарха надо признать, что своим положением он не злоупотреблял, честно отработывая получаемое жалованье, помогал по трактиру и с удовольствием ссорился с Лорной по меньшей мере раз в пять дней по любому удобному ей поводу. Вдоволь накричавшись друг на друга, хозяйка и вышибала отправлялись на второй этаж, где располагались комнаты постояльцев – мириться. Жильцы и прислуга понимающе кивали и разбредались кто куда, ибо до наступления следующего утра всяческая жизнь в «Норе» прекращалась.

Как и Лорна, Райгарх вполне заслуживал наименования варвара, и, подобно своей подруге, сделал из прозвища ремесло. Наполовину асир, наполовину гандер, он лет уже тридцать шлялся по всем странам от Заката до Восхода, то в одиночку, то с компанией, оказываясь везде, где требовались люди, способные носить оружие, выполнять приказы и не задавать лишних вопросов.

Пятидесятилетие он встретил в Шадизаре, решив, наконец, осесть и остепениться. Ему всегда находилось занятие – многим нравилось иметь в телохранителях эдакое обманчиво-добродушное чудовище четырех с небольшим локтей ростом, некогда ярко-рыжее, а теперь поседшее до странного пегого цвета. Райгарх стал одной из городских достопримечательностей, но как судьба свела его с Джейваром Пронырой, неплохим, хотя не хватающим звезд с небес взломщиком, доселе оставалось неизвестным. Зато никто не удивился, прослышав, что варвар-асир служит в трактире, который содержит женщина из Бритунии, бывшая наемница на покое.

* * *

– ...Так что стряслось? – днем Райгарх предпочитал отсыпаться, и, если его будили, становился крайне раздражителен. – Провалиться мне на этом месте! Откуда это взялось?

– Я привела! – раздраженно заявила Феруза, притопнув ногой. – И говорю, что он останется здесь! Потому что так надо! И если вы против, то я тоже уйду!

– Детка, ты хоть догадываешься, что именно приволокла в наше благороднейшее собрание? – неожиданно вежливо поинтересовался вышибала и наставительно продолжил, обращаясь к притихшим друзьям-приятелям: – Ежели мне не изменяет зрение – а я не вижу к тому ни единой причины – это ж самое настоящее, неподдельное киммерийское отродье! Сколько лет живу на этом свете, и каждый раз убеждаюсь – дерьмо... простите, дамы, но иногда нужно называть вещи своими именами – дерьмо не тонет, но завсегда всплывает! Пропал славный город Шадизар, окончательно пропал, помяните мое слово...

Договорить он не успел. Точнее, не дали. Мальчик-варвар, вроде бы туповато пялившийся куда-то в сторону, сорвался с места и бросился вперед. В точности бык, завидевший красную тряпку. Он никогда не отличался завидным терпением.

Его и Райгарха разделяло около двадцати шагов, весь общий зал трактира. Кэрли и Феруза завизжали дуэтом – как пара кошек с прищемленными хвостами. Лорна нырнула за стойку, появившись с увесистой дубинкой в руках. Ши сиганул в сторону и юркнул под стол,

удрученно пробормотав: «Где варвары, там драка, спасайся, кто может». Джай посторонился, однако проявил недостаточную ловкость и опрокинул чашу с изготовленным Ши зельем. Та ухнула на пол, разбившись и расплескав содержимое.

Хисс, оценив ситуацию, вылетел из-за стола, аккуратнейшим образом подставив атакующему гостю подножку. Тот успел заметить и сделать прыжок, но (как многие до него) не учел печального обстоятельства, что при нужде Райгарх способен двигаться куда стремительнее, чем кажется на первый взгляд. Уклонившись, асир пропустил нападающего мимо, еле заметным движением придав ему иное направление и попутно наградил парочкой ударов.

Человек и каменная стена трактира встретились. Стена выдержала. Человек – нет.

Мир качнулся и поплыл, как большая снулая рыба, удаляющаяся все глубже и глубже. Голоса, раздававшиеся совсем рядом, постепенно таяли в сером тумане.

– Я думал – сейчас пробьет и дальше понесется, – восхищенно-удивленный шепот наверняка принадлежит Ши.

– Райгарх, ты же его прикончил! – причитает странная девушка по имени Феруза.

– Только трупов нам не хватало, – спокойно-деловитая речь хозяйки, Лорны.

– Кого, его? Детка, сие есть порождение Киммерии, и ваше счастье, что вы живете в поистине благословенном краю, где такие не водятся. Сейчас оклемается и полезет мне морду бить, – смешок Райгарха, больше похожий на погромыхивание далекой лавины. – Хисс, за мной должок.

– Принимается. Зачем ты его дразнил? – невозмутимо интересуется рыжий Хисс.

– Чтоб проверить, конечно, – искренне удивляется Райгарх. – Кинется или нет. Вообще-то я думал – не решится.

– Ой, кровь! – панически вскрикивает Кэрли.

– Какая кровь? Я ж легонько приложил...

– Вон течет.

– Помогите его повернуть.

Чьи-то руки расшнуровывают драную безрукавку, нож разрезает ткань рубашки. Короткая вспышка боли, когда начинают разматывать присохшую к ране повязку. Изумленный свист.

– Слушайте, да у него весь бок порван! И он в драку лез? Райгарх, откуда он, говоришь? Надо бы запомнить, чтобы впредь обходить эту страну за сотню лиг. Там все такие?

– Не только полез, но и убить бы постарался... Ладно, Феруза, твоя взяла. Я – за то, чтобы его оставить.

– Райгарх!

– Что «Райгарх»? Шестой десяток как Райгарх. Такого отпустить на улицу – сложится в первом переулке, и все из-за собственного упрямства.

– Кэрли, только без обмороков! Быстро раздобудь мне чистых тряпок и горячей воды. Да не помрет он, не помрет, не хнычь. Пару деньков проваляется, а там посмотрим. Хотелось бы знать, когда он ел последний раз? И сколько ему лет – двадцать? Больше?

Гремящая лавина устремляется вниз – Райгарх смеется. Искренне, от души.

– Пятнадцать, радость моя. Дай боги, если недавно стукнуло шестнадцать. В жизни не поверю, коли начнет утверждать, что семнадцать. В горах взрослеют гораздо раньше, чем в городе, поэтому парень и выглядит так... не по детски. Однако доставалось ему в последнее время крепко. Ошейник, что ли носил? Похоже на то.

– Зачем он нам? Возни не оберешься, голову даю на отсечение – он ничего не знает и не понимает.

– Научим.

– Райгарх, от тебя ли это слышу?

– От меня, от меня. Ну, что выгаращились? Да, я берусь его учить. И ты, Джай, тоже.

– Чему? Скажите, чему можно научить эдакую орясину? Феруза, признайся – ты решила нам всем отмстить, мол, разленились, успокоились, расслабились?

– Он нам нужен.

– Бел, отвори беду, даруй удачу! Для чего, Феруза? Для чего, я тебя спрашиваю? Можешь хоть раз ответить по-человечески, без загадок и недомолвок?

– Я не знаю.

– Спасибо. На редкость исчерпывающе.

– Джай, заткнись. Потом доругаетесь. Рилна, где тебя демоны носят? Марш наверх! Возьми ключ, открой комнату в конце коридора. Поднимайте его. Вот так, осторожнее...

Хлопотливая возня. Топот ног, поднимающихся по ступенькам. Скрип деревянного остова кровати. Тишина. Наконец-то тишина.

* * *

Место, в котором он очнулся, напрочь незнакомо – маленькая комнатка со скошенным потолком. За открытым окном колыхалась душная ночь. Ощущения – как после хорошей взбучки или целого дня, проведенного за преодолением отвесных горных склонов. Возле кровати кто-то сидит, привалившись к стене, смотрит внимательно-блестящими глазами. Эту лукавую физиономию мы уже встречали, причем совсем недавно.

– С возвращением в мир живых, – незнакомец кивает головой, мотает туго стянутым на затылке хвостом жестких черных волос. – Пить-есть хочешь?

– Г-где я?

– Все там же, приятель. В тишайшем городке Шадизаре. Квартал Нарикано, Третий Обманный переулок, трактир «Уютная нора». Хозяйку кличут Лорной. Я – Ши. Помнишь такого? Ши Шелам. Ловкач Ши, Ши Умелые Ручки, Ши – Затычка-в-каждой-бочке. Ташу всем, что плохо лежит, и тем более – что лежит хорошо. Феруза сказала, тебя зовут Конан. Собственное имя не позабыл, когда о стену треснулся?

Болтая, Ши возится с чем-то, стоящим то ли на полу, то ли на низком столике. Запах. Вкусный. Звяканье ножа по тарелке. Бульканье наливаемой в кружку жидкости.

– Ага, готово. Жуй, только не торопись. Райгарх тебе поддал немножко, так ты едва трактир не разворотил. Вспомнил?

Кивок, сопровождаемый не очень церемонным чавканьем.

– Это хорошо. Значит, голова соображает. В общем, Джай согласен, чтобы ты пока немного пожил здесь. У нас тут вроде как товарищество на вольных хлебах. Джай – наш старший. Полностью он Джейвар, для нас – Джай Проныра. Мастер по замкам, отмычкам и взломам. Райгарха, тутошнего вышибалу, сразу узнаешь, варвар почище тебя. Еще Кэрли и Хисс. Кэрли по-настоящему будет Кэтерлин, это чернявая малявка с такой аппетитной попкой, в точности спелый персик. Только укусить не дает, – Ши облизывается, разочарованно хмыкает и продолжает: – Хисса кое-кто называет Змеиным Языком. Он на пару с Кэрли кому угодно голову задурит и еще заставит приплатить за это. Эй, ты что, опять заснул? Ладно, дрыхни... Пойду Джаю скажу, что ты очухался, пусть с досады на желчь изойдет. И Ферузе надо бы шепнуть. Сдался ты ей, как кобыле пятая нога... Подбирает всякую гадость, предсказательница, тоже мне... Меня б кто так обхаживал. Только и слышишь: «Ши сюда, Ши туда!». Нашли мальчика на побегушках...

Все еще недовольно ворча, Ши уходит, унося поднос с остатками еды и оставляя дверь приоткрытой. Лежащий человек открывает глаза, долго смотрит ему вслед, ерзает, устраиваясь поудобнее, и снова засыпает.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Очень деловые люди

Два месяца спустя

Самые темные ночи, как известно, в Шадизаре.

Эта ничем не отличалась от всех прочих. Темное небо поры новолуния, знакомые каждому астрологу, караванщику и путнику созвездия. Скорпион и Лягушка, Жеребец и Цапля, Охотник со своими Псами и вечно убегающая от них троица – Заяц, Олень и Антилопа, дремлющий Лев, готовая к прыжку Пантера и меланхоличная Черепаха. Небесные звери перемигивались разноцветными огоньками глаз, под ними плыла земля со своими океанами, реками, горами, лесами и городами, с высоты тоже отдаленно похожими на звездную россыпь.

Скопище каменных домов и хлипких лачуг, безалаберно раскинувшееся возле предгорий Карпашских гор, погружалось в беспокойную дремоту. Этот город никогда не засыпал, особенно ночью, ибо самые важные события в нем творились не днем, а после захода солнца. Ночи же тут, как ведомо всем и каждому, самые темные на всем великом материке. Хоть глаз выколи.

...Бронзовый трехлапый крюк, увлекавший за собой тонкую веревку, взлетел над утыканным острыми шипами гребнем каменной стены высотой в два добрых человеческих роста. Упал, заскользил вниз, но быстро остановился. Кто-то, находящийся за стеной, торопливо выбирал слабину, пока три растопыренных крюка, три надежных когтя из металла, не вцепились в трещины между камнями. Веревка натянулась, как струна, и задергалась.

На стене появился человек – сторбившаяся и съезжившаяся фигурка, почти неразличимая в полутьме, вдобавок украсившая себя целым ворохом обрезков черной ткани. Человек замер, стоя на четвереньках и опасаясь лишней раз пошевелиться, чтобы не наступить на торчащие из плит острые – ой, какие острые! – штыри длиной в два пальца. Он прислушивался, присматривался и, кажется, даже принимался, но не замечал ничего подозрительного. Глянул вниз. Узкий, воняющий кошками и гниющими отбросами переулок между смыкающимися стенами задних дворов пустует в обе стороны. Оглянулся назад – шелестящий ночной сад, за которым смутно различается приземистая громада богатого двухэтажного дома.

Тихо. Все, как и положено. Сторожевые псы, которым надлежит обшаривать сад, дрыхнут вповалку, объевшись дармового мяса с весьма своеобразной начинкой. Двое охранников у дверей хозяйской половины утром очнутся с сильнейшей головной болью, также, как еще четверо слуг. Невовремя высунувшаяся на подозрительный шум старушенция с рожей спившейся ведьмы – дальняя родственница владельцев дома – упокоилась в запертой кладовке, предварительно нюхнув порошка из одного полезного растеньица. Желтый лотос называется. Растет на болотах Иранистана. Смесь изготавливается очень просто. Берешь горсточку лепестков, мелко крошишь, аккуратно высушиваешь на медном противне над огнем, полученную пыль тщательно собираешь в плотный мешочек и прихватываешь с собой. Всегда пригодится. Можно украдкой сыпануть в вино, тогда собеседник очень быстро возжелает вздремнуть, можно просто сунуть под нос – вдохнувший тут же сложится пополам и отчалит в мир приятных сновидений.

Правда, возникает одна загвоздка. Ма-аленькая такая загвоздочка. Иногда тот, кому полагается мирно спать, почему-то вскакивает раньше времени и начинает голосить. А голосит он известно что. Любимые словечки славного города Шадизара:

– Обокрали! Ловите мерзавцев!

– О, нет, – пробормотал себе под нос человек на стене и снова покосился через плечо. Доселе темный и спокойный дом оживал. Вот мелькнул свет в одном окне, спустя мгновение – в другом и в третьем. Кто-то оглушительно распорядился, приказывая обыскать сад и, если понадобится, заглянуть под каждый куст и перевернуть каждый камень.

Вор – в том, что жавшийся на стене человек принадлежал именно к этой славной гильдии, сомнений не возникало – философски пожал плечами, сделал парочку аккуратнейших шажков, добравшись до внешнего края толстой стены, извлек из-под своего одеяния еще один моток веревки и сбросил его на улицу. Другой конец тонкого каната уходил в сад, где, видимо, обвивался вокруг подходящего ствола.

Грабитель не стал отцеплять верно послуживший ему крюк, а начал спускаться в переулочек, отталкиваясь ногами от стены и уже не стараясь особенно скрываться. Когда он добрался до основания стены и встал на твердую землю (не слишком твердую – под ногами что-то глухо чвакнуло, то ли помои, то ли горка жидкого навоза), наверху возник еще один силуэт. Этот казался повыше и ступал менее осторожно. Он торопливо сматывал веревку с трехлапой «кошкой», все время краем глаза наблюдая за происходящим в саду и возле особняка. Огоньки теперь горели по всему первому этажу и в некоторых окнах второго, разъяренные вопли разносились далеко за пределы имения, между деревьями мерцали факелы и слышался азартный собачий лай. Видимо, они угостили не всех собак и уцелевших непременно попытаются натравить на нарушителей мирного покоя.

Гавканье и выкрики приближались. Приближались слишком быстро. Человек в проулке заметался, отчаянно жестикулируя и приказывая шевелиться. Его напарник, оставшийся на стене, без особого успеха сделал попытку одолеть коварные шипы, не преуспел, зацепился носком сапога и кувырнулся головой вниз.

Стоявший внизу сдавленно зарычал, увидев рушащееся тело, и зажмурился, ожидая услышать шум падения и непереносимый вскрик. Если между стражниками отыщется наделенный мозгами и не страдающий глухотой, он непременно догадается проверить, кто это там бухается со стены и орет на весь квартал. Значит, начнется погоня. Они, конечно, уйдут, затеряются в переулках, но сколько времени будет потеряно зря! Сколько драгоценного времени и не менее драгоценного здоровья! Не-ет, Малышу пока рановато заниматься серьезными делами. Его призвание – стоять на страже, выполнять поручения, не требующие большого ума, и крушить черепа. Надо отдать должное, это у него получается неплохо. Но почему нет ни шлепка, ни сопутствующих ему проклятий? Он что, не долетел до земли? Запутался в веревках?

Воришка боязливо приоткрыл один глаз, затем второй.

Долетел. Везучий убудок – смог приземлиться, не покалечившись. Сидит, трясет лохматой башкой, пытается встать.

– Резвей, резвей! – подскочив, грабитель затормозил своего подопечного, слегка потерявшего ориентацию из-за падения, заставил подняться и потрусить в сторону еле различимого выхода из смердящего проулка. – Малыш, нас здесь нет и никогда не было. Шевели ножками, левой-правой, левой-правой! Да двигайся, демон тебя побори! Счас до них дойдет, что мы где-то поблизости!

– Отвяжись, – не до конца окрепший голос подростка как-то не соответствовал изрядному росту и вполне мужской фигуре. Человек уже больше не шатался из стороны в сторону и бежал вполне уверенно. – Говорили тебе – не настоящий лотос, больно дешево отдают. Иначе бы они так рано не очухались.

– Повсюду мошенники, – горько вздохнул домушник и поправил висевший на плече вместительный кожаный мешок, в котором что-то еле слышно позвякивало. – Или мы его пересушили? Бежим, бежим, Малыш, сегодня на редкость подходящая ночь для поздних прогулок.

– Я не малыш, – раздраженно буркнул его спутник, в который раз убеждаясь, что его недовольство осталось никем не замеченным.

В конце проулка завершивших свое дело грабителей ожидали. Из стенной ниши выско-чила приземистая юркая тень, на лету перехватила брошенную торбу, залихватски свистнула и растворилась в сумерках. Двое воришек продолжили путь, миновали три или четыре пере-крестка, свернули в лабиринт внутренних дворов и запетляли по ним, штурмуя глинобитные заборы, путаясь в бельевых веревках и спотыкаясь о мусорные ведра. Добравшись до соседнего квартала, где бурлила тихая ночная жизнь и пока никто не подозревал о только что завершив-шейся удачной краже, компаньоны пошли шагом, переводя дыхание и время от времени отве-чая на оклики знакомых. Потом еще несколько раз свернули, взбежали по хлипкой деревян-ной лестнице, промчались по пустой улице, огляделись и по очереди юркнули в приоткрытые ворота, спрятавшиеся в глубокой арке забора из крупных валунов.

* * *

За воротами скрывался обширный двор, мощеный желтоватым булыжником, посредине которого позеленевшая медная цапля-фонтан с величайшим отвращением изрыгала из клюва тоненькую струйку воды. На чудом сохранившемся парапете расположилась увлеченно ворку-ющая парочка. Завидев входящих, девушка поспешно отодвинулась и закрыла лицо прозрач-ной вуалью. Ее спутник с заметной неохотой поднялся на ноги.

– Всегда думал, что для занятий подобными вещами существуют места поудобнее, – ехидно поделился соображениями низенький воришка. – Спальни там или кровати. Впрочем, было бы желание, фонтан тоже сойдет, только жестко будет и мокро.

– А мне казалось, что число твоих друзей изрядно увеличится, если взять на себя труд малость укоротить твой язык, – преувеличенно любезно откликнулся человек, стоявший возле фонтана.

– Альс, не связывайся, – мягко попросила женщина. – Джай скончается на месте, если перестанет болтать. Почему вы так долго? Мы подумывали, не пора ли начинать беспокоиться.

– Ха! – Джейвар по прозвищу Проныра презрительно хмыкнул. – Могли бы обернуться в три раза быстрее, только Малыш копошился, ровно улитка на сносках. Кстати, где Ши?

– Еще не явился, – ответил человек, носивший имя Альс. – Джай, хочешь добрый совет? Перестань задевать мальчика. Настанет день, когда он заставит тебя ответить за каждую ска-занную гадость. Учти, я ради спасения твоей шкуры и пальцем не пошевелю. Он, в отличие от тебя, наверняка выполнит свою часть работы без лишних криков и шума.

– Иногда я сомневаюсь в том, что он вообще способен говорить, – буркнул Джай.

– Ши идет, – быстро произнесла девушка, пресекая грозивший начаться спор. В ворота проскользнула давешняя тень, горделиво помахивая доверенным ей мешком. Говорить Ши Шелам начал издали:

– Вы что натворили? Все бегают, как ошпаренные! Полквартала перебудили! Я задер-жался глянуть, они там едва друг другу головы не поотрывали! Твердят, мол, в доме наверняка есть сообщник, значит, с утра начнется сущее веселье! – он предвкушающе захихикал.

– Обойтись без этого разумеется, было нельзя? – с легким раздражением спросила девушка и тоже встала, звякнув многочисленными браслетами и ожерельями. – Когда вы на-конец повзрослеете?

– Феруза, свет очей моих, не ворчи, – взмолился Джейвар. – Пошли лучше глянем, что нам нынче упало с небес.

Компания пересекла двор, поднялась по трем выщербленным ступенькам и скрылась за дверями, возле которых на крюках болталась жестяная вывеска с упитанной крысой и надписью «Уютная нора».

* * *

Внутри все оставалось по-прежнему: пустующий зал, ибо ближе к полуночи Лорна выставляла посетителей, предоставляя трактир в распоряжение жильцов, вымытые и натертые маслом столы, еле горящий очаг и придвинутые к нему скамьи. На одной восседал Райгарх, пристально изучая новое творение Хисса – помятый и присыпанный золой лист пергамента, слегка обгоревший по краям. На нем красовалось изображение некой местности, с горами и реками, а также странными пометками и указующими стрелками. На вид – настоящая карта дороги к затерянному городу и наверняка скрытым там кладам. Хисс за последние полгода нарисовал с два десятка подобных чертежей и выгодно сбыв их желающим быстро разбогатеть.

Хисс и его напарница Кэрли уже несколько лет успешно промышляли торговлей разнообразными «древними сокровищами», почти подлинными драгоценными камнями и партиями всякого рода товаров, существовавших только в их воображении. За определенную мзду они также могли начертать любой официальный документ – от завещания до королевского указа, снабдив его печатями и подписями, неотличимыми от настоящих. Под настроение они приторговывали снадобьями от любых недугов и амулетами от злобных духов, которые покупали в ближайшей лавочке или изготавливали сами.

Особенно им удавалось исполнение драматической сцены, именуемой «Получение разъяренным братом платы за оскорбление чести его невинной сестры». На эту удочку чаще всего попадались молодые супруги престарелых жен, отличавшихся вдобавок скверным характером и не прощавших своим благоверным подобных загулов на стороне.

– По-моему, город Мхваларинду ты уже использовал, – Райгарх скомкал новенькую карту, старательно помял между ладонями, а затем плеснул на лист пива, чтобы придать ему надлежащий старинный вид.

– Возможно. Название хорошо звучит, – рыжий Хисс, по происхождению немедиец, когда-то носивший имя Хэлкарса из Альстейна (и утверждавший: «Я мог бы оставаться личным человеком!»), а ныне ставший Хиссом Змеиным Языком, изготовителем поддельных грамот и фальшивых артефактов, складывал в бронзовую шкатулку расставленные на столе пузырьки с разноцветными чернилами и неиспользованные перья. – Сомневаюсь, что моим покупателям когда-нибудь доведется встретиться и сравнить хранящиеся у них сокровища.

– А вдруг? – вышибала развернул пергамент и удовлетворенно кивнул. Теперь любой поверит, что карта нарисована лет сто назад и все это время провалялась забытой в прадедушкином сундуке.

– Скорее небо упадет на землю, – беспечно отмахнулся Хисс. – Кроме того, никто из толстых денежных мешков не захочет проверять, истинен ли план. В глубине души им нравится быть обманутыми. Они, наверное, даже догадываются, что красная цена их приобретеньицу – медный сикль в базарный день. Но побывать в Шадизаре и не привезти оттуда что-то, несущее на себе отпечаток возможной жуткой тайны, предмет, которым можно хвастаться перед друзьями? Это выше человеческих сил. Поэтому я могу смело рисовать сии занимательные картинки и не тревожиться за будущее.

Райгарх внимательнее присмотрелся к линиям чертежа.

– Или мерещится на старости лет, или твои каракули смахивают на нечто знакомое...

– Кварталы возлеBloшиного рынка, – Хисс запер шкатулку на ключ. – Тайник, соответственно, закопан на месте курильни Старого Ишмика, как бишь ее?

– «Храм Трех Устремлений» или что-то в этом духе, – асир свернул карту в трубочку, по-лошадиному фыркнул и предупредил: – Нарвешься когда-нибудь.

– Кто не рискует... – пожал плечами Хисс и удовлетворенно кивнул: – Ага. Вот и они.

Загадочные тени, миновав дверь и попав в освещенный зал, превращались в обычных людей. Призрак в черных лохмотьях стал Джаем Пронырой, его спутники – мальчишкой-варваром, по молодости и неразумию прозванным Малышом, и неизменным Ши Шеламом. Парочка, ждавшая их возвращения на ограде фонтана, оказалась предсказательницей Ферузой и ее другом, недавно примкнувшим к Компании.

Познакомились они отчасти благодаря Джейвару, смирившемуся с тем, что у него отныне имеется ученик и решившему соблюдать все неписанные традиции Города Воров. После первой успешной кражи Джай потащил Малыша в старейший из храмов покровителя Шадизара, Бела – совершать церемонию Первого Приношения. У бога жуликов и мошенников нет жрецов, но имеются добровольные или назначенные хранители святилищ. Новый жилец «Норы» как раз выполнял такую должность.

Его звали Аластор. На идреш, самом распространенном из шемских торговых диалектов, считавшемся в Заморе вторым языком после туранского, это означало «Дурной Глаз». Он предпочитал, чтобы его называли полным именем, имея на то веские основания: взломщика Аластора знали далеко за пределами родного края. Собственно, в Шадизар он навещался не часто, предпочитая обитать на Полуденном Побережье, где давно стал головной болью начальников городской стражи, богатых купцов и правителей. Как утверждали сплетники, Аластор мог управиться с любым замком, забрать все, что пожелает, и уйти, оставшись незамеченным, пусть даже сокровищницу охраняет сотня стражей и две сотни натасканных псов. Говорили, будто в торговых домах Офира или Шема у него хранится целое состояние; что, появившись у него такое желание, он с легкостью подчинил бы себе предводителей вечно враждующих шаек Шадизара, что...

– Будь он распоследним карманником, все равно мог бы поплевывать в потолок и жить в свое удовольствие, – высказал однажды свое мнение Джай, предварительно убедившись, что разговор не достигает слуха предмета обсуждения. – В нашем захудалом городишке отыщется уйма богатеньких шлюшек и благородных дам-с, готовых отсыпать золото горстями просто заради того, чтобы поблизости околачивался такой красавчик.

– Не только женщин, – добавил Ши, глумливо хихикнув. – Впрочем, ему это не нужно. Интересно, на сколько у него достанет терпения обхаживать Ферузу?

– Пока не согласится, – с уверенностью заявил Проныра. – Не понимаю я этих девиц. Чего артачится, убудет от нее, что ли? Вон, посмотри на Кэрли – умудряется крутить с тремя сразу и Хиссу кое-что перепадает.

– Феруза – предсказательница, – серьезно возразил Ши. – А Кэрли обыкновенная.

– Какая разница? – не понял Джай. – Под юбками они все одинаковы.

Замечания Джейвара вполне соответствовали истине: любой другой на месте их нового приятеля немедленно постарался бы извлечь наибольшую выгоду из своей незаурядной внешности. Аластор, похоже, брезговал подобными способами разбогатеть. Его мысли занимала только Феруза ат'Джебеларик и никто более.

Вот и сейчас, пока маленькое сообщество делилось впечатлениями от вылазки и рассказывалось, Аластор с привычной ловкостью занял место рядом с гадалкой. На это уже никто не обратил внимания, привыкнув, что – за очень редкими исключениями – он всегда пребывает неподалеку от туранки. Райгарх и Джай даже поспорили на десять золотых: когда, в конце концов, Феруза решится променять дружбу на нечто иное? Выигрывал Райгарх: шла вторая

луна, но крепость доселе оставалась неприступной. Никто не навещался глубоко за полночь в жилище предсказательницы и ее двери стояли запертыми.

Услышав голоса, из комнат на втором этаже явилась встрепанная Кэрли, кутавшаяся в нечто развевающееся и цветастое. Из кухни пришла Лорна, проверявшая, все ли готово к завтрашнему дню. Хозяйка захватила с собой чистую холщовую скатерть, немедленно расстеленную на столе у очага. В камин подбросили дров – не для тепла, для света, заперли дверь и приготовились к самому волнующему мигу в жизни любого охотника за чужим добром.

Ши развязал горловину кожаной торбы и бережно высыпал ее содержимое на ткань.

– Неплохо, – после недолгого вдумчивого созерцания произнес Аластор. – Я бы сказал, весьма неплохо. Давайте-ка разгребем эту коллекцию.

Ши, мгновенно оживившаяся Кэрли и Феруза принялись в шесть рук перебирать сверкающую кучку. Тяжелые створчатые браслеты – сюда. Перепутавшиеся золотые и серебряные цепочки – сюда. Кольца, серьги, кулоны, броши – отдельно. Бархатный мешочек с ограненными камнями – вытряхнуть, быстро раскидать по цвету, прозрачности и качеству. Большая, слегка погнувшаяся диадема с изумрудами, сапфирами и жемчужными подвесками. Короткий, с две ладони, изящный жезл-спица, оканчивающийся прозрачно-розовым аметистом – странная игрушка, непонятно к чему предназначенная. Ожерелье, собранное из увесистых древних монет. Парочка массивных ритуальных колец, поблескивающих тусклой маслянистостью золота высокой пробы. Серебряное зеркальце в оправе из черного дерева, украшенное крохотными алыми и белыми кораллами. Потешные фигурки животных из яшмы и сердолика. Кинжал, целиком вырезанный из бледно-зеленого кхитайского нефрита с золотыми накладками.

Действительно, неплохой улов.

Кэрли немедленно завладела парой длинных бирюзовых сережек с позванивающими серебряными шариками на концах, и вдела их в уши. Джай, Аластор и Лорна разошлись в оценке возможной стоимости большого золотистого топаза. Хисс, испытывавший необъяснимую тягу ко всяческому рода ножам, забрал нефритовый кинжал и попытался определить, в самом деле он цельный или склеен из нескольких частей. Феруза перебирала сердоликовых зверей, выстраивая их по росту. Ей очень приглянулся легкомысленного вида пушистый заяц, сидевший на задних лапах, и она решила выпросить его себе.

– Тысяча за все, – заявил Джейвар, довершив осмотр.

– Полторы, – помотал головой Райгарх. – Даже тысяча семьсот, коли хорошо поторговаться. У тебя врожденная тяга к преуменьшению.

– Аластор?

– Будь я перекупщиком, постарался взять подешевле, продать подороже... Сколько там положено отсчитывать в пользу бедствующего старшины квартала? У нас шесть человек, промышляющих ночным искусством, и ученик, налог с которого пока выплачиваем мы. Вот и думай.

Джай нахмурился. Подсчет суммы, которую надлежало внести хозяину Нарикано, всегда вызывал у него головную боль. Ему отчаянно не хотелось расставаться с деньгами, но таков закон. Определенная доля с каждой добычи уходит к предводителю шайки, главенствующей в квартале, иначе теплая компания, обитающая в «Уютной норе», рискует лишиться крыши над головой и перейдет в число должников. Лорна платит свои отступные за владение трактиром, Феруза – свои, в зависимости от того, сколько ей удастся выудить из клиентов за гадание. Впрочем, с нее опасаются запрашивать многого. У туранки найдутся покровители поважнее главы квартала. Так или иначе, коли хочешь спокойной жизни – плати. Исключений нет ни для кого.

– Четыре седьмых, – вынес решение Джай. Аластор, поразмыслив, кивнул. Райгарх тоже. – Кровопийцы... Одну седьмую распродаем и платим госпоже трактирщице за жильё и

прочее, одна отправляется в общий котел, остальное делим и тратим по собственному разумению. Хисс, за что тут можно получить побольше?

– Побрякушки и диадему придется отдать, – рыжий, выполнявший в компании обязанности казначея, отложил указанные вещи в сторону. – Зверюшек, кинжал, камни и прочее берусь сплавить одному из моих приятелей. Золото принесу денька через два, в крайнем случае – через три. Кто-нибудь хочет взять долю не деньгами, а вещами?

Гадалка, слегка смутившись, попросила отдать ей несколько статуэток животных и массивный витой браслет с вставками из «кошачьего глаза» – явно не продавать, а для себя. Аластор забрал серебряное зеркальце – тоже понятно, сегодня вечером оно будет преподнесено Ферузе. Кэрли, поколебавшись, отобрала кое-что из драгоценностей поплотнее. Остальные предпочли дожидаться денег.

Младший из живших в «Норе» варваров наблюдал за процессом дележки с некоторым недоумением. Обращение предметов в монеты и распределение сумм между участниками сообщества по-прежнему оставалось для него тайной за семью печатями.

* * *

Ши принес несколько маленьких кожаных мешочков и принялся раскладывать добычу, дабы завтра в спешке не перепутать, что куда предназначено. Вдобавок, ценности нужно припрятать по укромным местам – ночь пока не закончилась, всякое может случиться.

Девушки, развеселившись, решили перемерить все украшения и теперь делили их между собой. Кэрли завладела диадемой, кривовато сидевшей на ее каштаново-белых кудряшках, Ферузе досталось ожерелье из монет и тяжелые золотые браслеты. Серебряную цепь из крупных звеньев, на которой болталась чеканная пластинка с изображением скачущей лошади, нацепили на Лорну, несмотря на ее возражения. Кокетливые бусы из цветных камешков оказались повешенными на Ши, тот писклявым тенорком юного кастрата завопил, что «эти глупые женщины» его обижают и бросился искать защиты у здорового Райгарха, устроившись под его скамьей.

Усилиями Аластора и Хисса верещащего Ши выволокли наружу, скрутили и принялись изобретательно украшать всеми имеющимися побрякушками. Кэрли голосом прожженной соблазнительницы пообещала, что поцелует его, если тот будет вести себя смирно. Ши закатил глаза, сделал вид, будто падает в обморок, рухнул возле ног Лорны и загробным голосом начал перечислять, что из его имущества переходит в чье владение в случае безвременной кончины.

Когда выяснилось, что Райгарху надлежит уплатить все долги заморийца и содержать до наступления совершеннолетия четверых его незаконных отпрысков, асир взревел и потребовал немедленной переделки завещания. Он соглашался на отдачу долгов, но утверждал, что, как истинный варвар, детей признает только в двух видах – жареном или вареном. Но лучше всего – таких, как Малыш. Сидит, молчит, ничего не просит!

Общество переглянулось и радостно набросилось на подопечного Джая. Кэрли немедленно попыталась устроиться у него на коленях, но была не слишком вежливо спихнута. Райгарх пустился в глубокомысленные рассуждения о том, насколько постоянные туманы и облака, заслоняющие небо Киммерии, препятствуют умственному развитию ее обитателей. Конан вполголоса проворчал насчет гнусных асирских обычаев и сожительства с козлами. Хисс немедленно попросил уточнить насчет козлов. Ши оскорбительно замемекал.

– Тихо! – Феруза подскочила к столу и схватила блестящий жезл с аметистом на конце. – Развели хлев! Сейчас увидим, кто вы есть на самом деле!

Она состроила гримасу и замахала позолоченной палочкой, выписывая невероятные фигуры, подвывая и бормоча. Подхватившие игру Кэрли, Ши и Джай с готовностью запрыгали вокруг туранки, улюлюкая и требуя превратить Райгарха и Конана в медведей, дабы продать их в зверинец. Лорна схватилась за голову, утверждая, что стараниями жильцов трактир скоро превратится в приют для безумцев.

– Смени вывеску, – посоветовал Хисс, а Аластор почему-то встревожено нахмурился.

Феруза изобразила кончиком жезла лихо закрученную спираль и торжественно провозгласила на туранском «Да сбудется!», указав на потолочные балки трактира.

Ничего не произошло.

Ши разочарованно присвистнул. Стоявшая рядом с Ферузой Кэрли неожиданно издала загадочный звук, вроде «Эк!», и попятилась, наступая на подол собственного одеяния.

Внутри ограненного камня бледно-розового цвета замерцали искорки. С каждым мгновением их становилось все больше, они окружили аметист ореолом зеленовато-золотистого пламени, начинавшего вытягиваться к потолку. Феруза застыла, приоткрыв рот и держа жезл на отлете. Отступавшая Кэрли окончательно запуталась в платье, врезалась в Ши и сбила его с ног. Они упали и остались сидеть, пялясь на дрожащий прозрачный язык золотистого огня. Кто-то громко и быстро заикался – кажется, Джай.

– Феруза, пожалуйста, отдай эту штуку, – очень мягко попросил Аластор, одновременно пытаясь разогнуть пальцы туранки, крепко обхватившие жезл. Похоже, она его не слышала, да и вряд ли видела. – Феруза, выпусти его! О, демонова мамаша... Прячьтесь!

Последовать совету никто не успел. Бледно сияющий луч взмыл над головами перепуганных людей и растаял, не коснувшись стены. Однако в месте его исчезновения произошло необъяснимое – начиненный запахами готовящихся блюд и дымком от камина воздух трактира сгустился, став похожим на плоский полупрозрачный диск около трех локтей в поперечнике, окрашенный в коричневато-сиреневый цвет. Диск задрожал, его сердцевина беззвучно лопнула изнутри, в точности как рвется пергаментный лист, когда его протыкают ножом или спицей. Края разрыва загнулись наружу, с другой стороны мелькнуло черное, бездонное небо, исчерченное полосами дрожащего света.

Спустя миг разрыв затянулся, а диск развеялся, но за это мгновение, длившееся меньше двух ударов сердца, что-то маленькое и стремительное успело преодолеть границу между миром людей и сферой, где правят духи и демоны.

Феруза затряслась, отшвырнула жезл, точно он жег ей руку, и шарахнулась в сторону, угодив прямоком в объятия Аластора. Райгарх замысловато выругался, попытался вскочить, но вместо этого свалил скамью и грохнулся сам. Остальные молчали, не в силах осознать, что, собственно, произошло. Сидевшие на полу Кэрли и Ши прижались друг к другу, точно потерявшие дети. Джай по-прежнему безостановочно икал.

Первым, как ни странно, пришел в себя Конан. На цыпочках подобрался сзади к Ши и девице, сгреб их за шивороты и оттащил подальше. Диадема, свалившаяся с головы Кэрли, осталась лежать на полу вместе с жезлом, вокруг которого роились еле заметные огоньки.

– Сдохнуть мне на этом месте, – отчетливо проговорила Лорна. – Феруза! Что ты натворила, прах тебя побори?

Туранка не ответила, ибо занималась тем, что жалобно хныкала, уткнувшись в плечо своего приятеля и бессвязно твердила, что хотела только пошутить и понятия не имела, как действует эта штукавина. Аластор гладил ее по растрепавшимся волосам, кивал и повторял: «Все хорошо». Обращаться к ним с вопросами не имело смысла.

– Кажется, оно не опасно, – неуверенно сказал Хисс. Джай справился с икотой, вытащил из ножен широкий кинжал и решительно направился к странному предмету, без видимой опоры болтавшемуся в воздухе примерно на уровне человеческого роста.

Предмет смахивал на пустой бычий желудок, наполненный воздухом. Диаметр он не превышал локтя-полтора, и имел серо-желтоватый окрас, разбавленный зелеными и бурыми бесформенными пятнами. Он висел, слегка покачиваясь и не проявляя намерений напасть. Джай собрался осторожно дотронуться до него кончиком ножа, когда его остановил задумчивый голос Хисса:

– Знаешь, на твоём месте я бы этого не делал. Мы ведь понятия не имеем, что оно такое. Тыкнешь его, он в отместку полгорода разнесет по камешку.

Проныра торопливо убрал клинок, в душе ругая себя за несообразительность, и на всякий случай отошел подальше.

– И что теперь? – случившееся удостоилось редкой чести – изволил заговорить Конан.

– Уберите эту гадость, – потребовала Лорна, не сводившая глаз с Предмета. – Немедленно и как угодно!

– Конечно, моя дорогая, – проворчал Райгарх. – Всю жизнь только и мечтал этим заняться... Малыш!

– Что?

– Найди какую-нибудь палку и пихни эту дрянь! Посмотрим, что будет.

– Мы все умрем, – обнадеживающе высказался с пола Ши и, воспользовавшись случаем, положил руку на упругий задик Кэрли. В иное время он бы заработал пощечину, но сейчас ошарашенная девица ничего не заметила.

– Я не потреплю, чтобы *оно* оставалось в *моем* трактире, – заявила Лорна.

– Вдруг эта штука в самом деле нас прикончит? – тревожно спросил Джай.

– Тогда начнет с Малыша, как с самого бесполезного, – утешил его Райгарх. Упомянутый Малыш смерил всех ледяным взглядом, ушел на кухню и вернулся с длинной метлой.

Легкое прикосновение деревянной ручки к Предмету вызвало перемещение цветных пятен к месту касания и более ничего. От безнаказанности Конан осмелел и постучал шар по макушке. Пятна рванулись вверх. Толчок снизу – зеленые и бурые кляксы собираются там, вдобавок шар начинает вертеться вокруг своей оси.

– Забавно, – высказался Хисс. – Лорна, может, оставим его тут? Пусть посетители развлекаются.

Трактирщица подняла бровь, решая, шутит Хисс или говорит серьезно. Конан с величайшей осторожностью начал подталкивать Предмет в сторону входной двери. Тот вращался, переливался всеми оттенками зелени и медленно перемещался. Кэрли и Ши, смекнув, что шар пролетит над их головами, торопливо освободили путь, отползая на четвереньках к стойке. Встать они до сих пор не рискнули.

До выхода из трактира оставалось не больше десяти шагов, когда Конан допустил ошибку – наградил Предмет слишком чувствительным ударом. Среди зеленых пятен зародилось багровое, вытянулось, распалось на две узкие ленты и вдруг обернулось пастью. Большой пастью, оснащенной набором ровных треугольных зубов самого непривлекательного вида. Опешивший Конан ткнул в нее метлой, клыки незамедлительно вцепились в дерево и принялись деловито жевать. Брызнули щепки и обломки.

По быстрому размышлению Конан счел, что отступление не всегда является позором и маханул через стойку. Кэрли открыла рот, чтобы заверещать, но не смогла выдать ни звука. Летучий пузырь догрыз палку до середины, презрительно выплюнул и огляделся. Огляделся в самом прямом смысле этого слова. Кроме пасти, он обзавелся глазами – тремя выпуклостями мутно-белого цвета, похожими на крупные виноградины.

– Ой-ей-ей, – пробормотал Ши. – Mamочка моя дорогая, забери меня отсюда, я больше не буду...

– Никому не двигаться, – свистящим шепотом произнес Аластор, отодвигая еле слышно попискивающую Ферузу себе за спину. – Может, само уберется.

Неведомое создание покидать трактир явно не торопилось. Сорвавшись с места, описало несколько кругов под потолком, по пути перекусив веревку, на которой болталось утыканное свечами тележное колесо. Люстра обрушилась вниз и раскололась. Лорна зло поджала губы и начала ритмично хлопать себя дубинкой по ладони. Предмет отхватил кусок лестничных перил, попробовал на вкус столешницу, остался недоволен и завис над головой Хисса.

– Убирайся отсюда, – чуть дрогнувшим голосом потребовал тот. Серо-желто-зеленый шар спустился пониже, словно не расслышал. – Сгинь, тебе сказано!

Как всякий уважающий себя обитатель Шадизара, Хисс таскал с собой нож – отточенное до немыслимой остроты короткое лезвие с необычной поперечной рукоятью, легко прячущееся в ладони. Теперь он мгновенным движением крест-накрест полоснул воздух перед защелкавшим зубами Предметом. Шар отпрянул, дав Хиссу возможность нырнуть под стол и выскочить с другой стороны.

Опомнившаяся Феруза схватила со стойки тяжелую глиняную кружку и швырнула в загадочного супостата. Попала. Предмет отлетел на пару шагов, кувырнулся, поймал брошенный в него снаряд и стиснул клыками. Кружка рассыпалась на черепки. Половина из них исчезла в глотке существа – теперь никто не сомневался, что оно живое. Или почти живое. Только куда исчезают сожранные пузырем предметы? Кроме пасти и неместительного желудка он вроде бы ничего не имеет...

За кружкой последовал настоящий град из всего, что попало под руку – клинки, миски, кувшины, подсвечники и большая медная кастрюля, уволоченная с кухни и запущенная лично Кэрли. К сожалению, вместо цели она поразила голову Райгарха, что отнюдь не способствовало улучшению его настроения. Девушка побледнела и предпочла укрыться под лестницей.

Шаровидное существо металось по зале, увертываясь и перехватывая летящие в него предметы обстановки. Джай взобрался на стойку и с видом заправского полковника командовал сражением, пока буро-зеленый вихрь не пронесся прямо над ним и Проньера не рухнул вниз. Райгарх и Конан удачно опрокинули на зажатый в угол Шар стол, однако тот быстро прогрыз в дереве круглую дыру и выбрался наружу. Лорна с размаху треснула его дубинкой, отправив на другой конец залы. Тварь с чмоканьем врезалась в стену и растеклась тонким слоем буроватой жижи.

Обрадоваться победе никто не успел – через миг шар вернулся к прежним очертаниям и, кажется, изрядно разозлился. Из распяленной пасти начали вырываться звуки, нечто среднее между собачьим ворчанием и стрекотом кузнечиков. Он затрясся, рванулся вперед, обошел Хисса, метнувшего в него тесак для рубки мяса, проскочил мимо Конана и нацелился на Райгарха, норовя вцепиться в человека своими желтыми клыками. Асир, не долго думая, врезал по супостату оторванным сиденьем табурета.

Кувыркающееся и злобно трещащее Нечто стрелой пронеслось через помещение, угодив точно в оконный проем, выбило затягивающую раму слюду и вывалилось наружу. Трактирщица и Райгарх наперегонки бросились к окну, выглянули, но в ночной темноте разглядели только смутные очертания удаляющегося Предмета. Он промелькнул над двором, едва не зацепив фонтан, преодолел стену и сгинул в глубинах квартала.

– Ох, – Лорна перевела дыхание и немедля возопила: – Что ты творишь, негодяй?!

Пока компания выпроваживала незваного гостя, Ши наведился в кухню и приволок оттуда страховидные железные щипцы с длинными ручками, которыми шуруют в печной топке. Бесцеремонно подхватив ими золотой жезл – вокруг него опять зарождалось облако желтоватых искр – он устремился к неприметной двери черного хода. Пинком отбросил створку, выбежал на задворки птичника, суетливо огляделся и, не колеблясь, швырнул жезл вместе со щипцами в стоявшую нараспашку дверь щелястой деревянной будки.

Раздалось смачное «бульк». Тайнственная находка канула в недра выгребной ямы.

– Там глубоко? – испуганным шепотом осведомилась Феруза.

– Лично мне измерять не доводилось, – огрызнулась Лорна и, ткнув кулаки в бока, требовательно воззрилась на Ши: – Зачем? На кой ляд ты это сделал?

– Э-э... – более подходящего ответа в голову не приходило. Положение спас Джейвар, заявив:

– Туда ему и дорога. Пойдемте лучше выпьем.

С этим предложением согласились все.

«Нора» напоминала поле боя или хорошей драки. Повсюду валялись перевернутые столы, обломки скамей, под ногами хрустели черепки от разбитой посуды. Трактирщица только сокрушенно покачала головой, глядя на учиненный ее постояльцами разгром.

– Мы заплатим, – буркнул Джай, посылая Ферузе убийственный взгляд. Туранка съезжилась, укрывшись за спиной Аластора. – И приберемся.

Лорна ничего не ответила, но кивнула в знак того, что слышала и запомнила.

Взгляд в прошлое: Смотритель храма

То, что приземистое здание из серого с золотыми прожилками камня под горбатым куполом является святилищем, любому становилось понятно с первого взгляда. В приличных кварталах земля стоит изрядных денег и домовладельцы предпочитают возводить дома стена к стене, чем плотнее, тем лучше. Это сооружение стояло отдельно от своих соседей и могло похвастаться десятком высаженных вокруг чахлах кипарисов. Пузатенькие колонны подпирали треугольный фронтон без всяких украшений и надписей, над входом покачивались два зажженных четырехгранных фонаря: слева с зелеными стеклами, справа с оранжевыми. К дверям вели три широкие ступеньки, толстые створки из орехового дерева обшиты полосками давно нечищенной меди, ручки похожи на птичьи лапы, сжимающие кольца.

Джай потоптался на пороге, кинул через плечо взгляд на подопечного. Тот озирался вокруг с обычным невозмутимым видом. Тоже мне, ходячее воплощение варварского хладнокровия. Когда вчера ночью удирал от сторожей, наверняка перетрусил до дрожи в коленках!

«Как же, держи карман шире, – Джейвар Проныра в очередной раз мрачно позавидовал воспитаннику, навязанному ему отчасти против воли, но пока не особо разочаровавшего наставника. – В миг, когда он хоть немного испугается, я уже давно отдам концы от ужаса. Скорее всего, я не доживу до этого счастливого мгновения. Ненавижу варваров».

Он перешагнул невысокий каменный порог. Удушающе жаркий вечер остался позади, внутри храма царил благословенная прохлада и мерцали разноцветные огоньки. Конан вошел следом, вопросительно покосился по сторонам. Джай не сказал ему, куда они собираются, а излишнее любопытство не входило в число его привычек. Придем – увидим.

– Мы в гостях, – полупшепотом начал Джейвар и невольно хмыкнул, вспомнив, как лет десять – или двенадцать? – назад его собственный учитель и воспитатель, стоя на этом самом месте, говорил ему почти такие же слова. Он тогда с любопытством глазел вокруг, краем уха прислушиваясь к голосу мастера. Правы люди: история повторяется, следуя по кругу. – В гостях у нашего общего покровителя. Я собираюсь представить тебя ему. Не уверен, что это поможет или вообще будет иметь какое-то значение в твое судьбе, но коли ты стал одним из нас, все должно идти, как полагается. Традиции – дело святое.

Ученик, свинья неблагодарная, снисходительно кивнул, показывая, что слушает. Удобно ему, верзиле, изображать снисходительность, пялясь на всех сверху вниз! Куда только катится мир, никакого почтения к старшим...

Святилище, даже на непритязательный взгляд Конана, выглядело слишком просто и отчасти запущено. Длинный зал с узкими окнами под потолком, ряды толстых, нарочито гру-

богатых колонн, между которыми на потускневших цепочках болтаются фонарики совершенно легкомысленного вида. На праздниках такие вывешивают в садах возле богатых домов. В дальнем конце виднеется нечто вроде алтарной плиты, возле нее горят обычные факелы.

– А почему нет никаких служителей? – спросил он, усвоив, что в любом храме тебя в первую очередь окружает толпа разодетых в пух и прах дармоедов, кланчащих милостыню или всучивающих какую-нибудь ритуальную ерунду.

– Потому что это место Бела, – с некоторой торжественностью в голосе ответил Джай. – И потому что все мы, кто... э-э... предпочитает зарабатывать на жизнь за счет богатеньких и доверчивых раззяв, в сущности являемся его служителями. Вообще-то сюда должен иногда заглядывать человек, подметать пол, менять свечи и приглядывать за порядком.

– Похоже, в последний раз он навещался не меньше полугода назад, – справедливо заметил Конан, указывая взглядом на толстый слой пыли и паутину, натянутую возле капителей колонн. Проныра не ответил, а целеустремленно зашагал вперед.

Алтарь тоже весьма скромный: обтесанная глыба зеленоватого мрамора высотой в три-четыре локтя. Вокруг нее в беспорядке расставлены всевозможные блюда, тарелки и чаши – от глиняных до хрустальных. В чашах и на полу лежат монеты, по большей части медные, но кое-где поблескивают серебряные и золотые, чеканки всех известных стран и городов. Словно прошел денежный дождь. Место подношений отделено от визитеров полосой мелких красных камешков, очерчивающей полукруг от одного угла храма до другого.

В стену за алтарем вделана плита из бледно-розового с коричневыми жилками песчаника. Она выглядела самой примечательной деталью обстановки. Довольно большая, в размах человеческих рук, и явно древняя. Когда-то на ней вырубили барельеф, но время уничтожило почти всю работу скульптора. Впрочем, ежели приглядеться внимательнее, заметишь смутные очертания полулежащей фигуры с рукой, вскинутой в очень знакомом жесте... Ну конечно, сколько веков минуло, но посейчас любой из живущих поднимает кубок точно таким движением. Часть кубка уцелела – выступающая округлость со следами резьбы и наполовину отбитой фигурной ручкой.

Джейвар быстро почесал в затылке, вспоминая завершение своеобразной молитвы – представления новичка. Не вспомнив, положился на собственную выдумку:

– В общем, это храм Бела, бога Ночного Братства. В него можно верить, можно не верить... Лично я предпочитаю думать, что там, в высоких небесах, обитает некто, присматривающий за нашими делишками и не позволяющий нам пропасть задаром. Думаю, что большинство наших тоже на это надеются, хотя вслух твердят, что чихали они на любых богов купно, раздельно и поочередно. Разок я нарочно решил проверить: засел в укромном местечке неподалеку и что ты думаешь – за вечер и ночь здесь перебивали самые рьяные крикуны!

Ученичок беззвучно хмыкнул. Этот странный парень, явившийся с Полуночи, как иногда казалось Джая Проныре, совершенно не умел радоваться жизни. Или запрещал себе проявление любых человеческих слабостей. Ихние варварские обычаи нормальному человеку понять невозможно.

– Так вот, – Джейвар покопался в поясе, выудил пару серебряных монет, – чтобы наверху знали, что в благословенной и вонючей дыре под названием Шадизар отныне обитает столь жуткое чудовище, как ты, найди-ка денежку, что досталась тебе после вчерашней ночной прогулки, и брось ее во-он туда. Все равно куда попадешь – на пол или в вазу.

– Что-нибудь произойдет? – воспитанник явил легкую заинтересованность.

– Откуда мне знать? – чуть раздраженно ответил Джай. Ему совсем не хотелось признаваться в том, что, приходя в храм, он всякий раз втайне ожидал этого «чего-нибудь». Знака какого, что ли. Видения. Предсказания. Ну хотя бы намек на то, что его, Проныру, в ближайшем будущем ожидает блистательный успех и жирный куш!

Монета пролетела серебристой рыбкой и с тихим шелестом канула в горку своих подружек. Даже здесь подопечный не смог обойтись без доказательства своей ловкости и хорошего глазомера. Выбрал самую дальнюю чашу и попал блестящим кругляшом точно в вершину металлического холмика. Сам Джейвар поступил проще – кинул монетки к подножию алтаря. Они четко и коротко звякнули о мрамор.

– А теперь?

– Теперь можно уходить, – Джай потихоньку попятился к дверям. У него никогда не хватало решимости повернуться к алтарю спиной.

– Странный бог этот ваш Бел, – заметил мальчишка-варвар, разглядывавший старую плиту с барельефом. – Храм у него какой-то... заброшенный. Ему что, все равно, поклоняются ему или нет?

– Кое-кто утверждает, будто для него даже не имеет значения, строят ли люди святилища в его честь, – Проныра досадливо дернул плечом. – Якобы ему достаточно того, что смертные от начала времен залезают в чужие кошельки и всегда не прочь обвести ближнего своего вокруг пальца. А храм этот – самый древний в городе. Его построили лет семьсот или восемьсот назад. Тогда и Шадизара-то не было – так, деревушка.

– Собственно, этому зданию ровно пятьсот восемьдесят два года, – прозвучавший в тишине голос заставил обеих посетителей резко развернуться, шаря взглядами по сторонам в поисках его владельца. – Оно возведено на месте другого храма, который, в свою очередь, проторчал тут ровно триста с небольшим годков и сгорел во время весьма бурной церемонии, посвященной празднованию Кражи Столетия. Это случилось в 335 году от основания Аквилонии, когда шайка Тихони Себека и Ульвы Колдуньи обчистила казну тогдашнего императора Турана. Они умудрились обмануть погоню, привезти золото сюда, в Заморю, и потратили его на укрепление строящегося Шадизара. Впрочем, на этом месте всегда располагалось чье-то святилище. Сколько лет плите и кто ее изготовил, сказать не берусь. Ее доставили откуда-то с Полуденного Побережья, что называется, в незапамятные времена.

Знарок истории городских достопримечательностей вышел из полутьмы в полосу света, отбрасываемую факелами. Небрежно привалился к колонне, сунув руки за широкий пояс и с еле заметной полуулыбкой на узких губах созерцая вытаращившихся на него Джая и его спутника. Если ему требовалось броское появление, он мог считать, что преуспел.

Подпиравший гранитный столб субъект точно не относился к заурядным личностям. Предки молодого человека наверняка были выходцами из Шема, однако в потомке причудливо смешалось столько кровей, что вопрос о его национальной принадлежности становился неразрешимей тянувшегося десятилетия спора о том, кто владеет Коринфской провинцией – Немедия, Замора или все-таки Туран?

На вид незнакомцу исполнилось лет двадцать пять или побольше. Ростом он чуть уступал долговязому варвару, сложением напоминая не тяжеловеса вроде Райгарха, а гибкого зверя из породы кошачьих. Смуглая кожа, кажущаяся еще темнее из-за ослепительно-белой рубашки с открытым воротником. Иссиня-черные, цвета лепестков гиацинта, вьющиеся волосы. Горбатый нос, один к одному похожий на клюв хищной птицы, и широко поставленные глаза цвета самой редкой разновидности траурного агата – в которых зрачок сливается с радужкой. Одевался сей красавчик также, как большинство промышляющих ночным ремеслом горожан, но, с завистью подметил Джай, в наилучшее и дорогое, предпочитая черные и белые цвета. Из оружия он таскал длинный узкий стилет, украшенный на гарде желтым топазом. Как заподозрил Проныра, прочие неприятные колюще-режущие сюрпризы таились либо за отворотами сапог, либо под широкими рукавами.

Насладившись произведенным впечатлением, черноволосый осведомился:

– Вы уже уходите? Я только собирался запереть дверь, когда услышал, что тут кто-то есть.

– Запереть? – удивленно переспросил Джейвар, с неудовольствием обнаружив, что в горле почему-то пересохло. Двери храмов Бела никогда не закрывались – ни днем, ни ночью. В святилищах не прятали ничего, что стоило украсть. Пожертвованные деньги порой тоже исчезали – вору, находящемуся в сильной нужде или влипшему в крупные долги, разрешалось их позаимствовать. Разумеется, с условием непрямого возврата. Самоуверенные нахалы, пытавшиеся обойти этот неписанный закон, на свете долго не задерживались. – С какой радости? Ты вообще кто будешь?

– В силу некоторых обязательств и неосмотрительно данных клятв я как бы смотритель сего уютного местечка, – ехидно отозвался незнакомец. – И отныне закрываю его на ночь от всяких проходивцев. Хотя поздно закрывать конюшню, когда лошадь свели, – в бархатистом голосе мелькнуло нечто вроде угрозы – потайное лезвие в полый трости.

– А что случилось? – миролюбиво уточнил помалкивавший до того подопечный Джая. Хранитель святилища несколько мгновений изучал его пристальным взглядом, затем повел рукой, очерчивая круг, и с нарочитым надрывом спросил:

– Взгляните вокруг и скажите, что вы видите? Точнее, чего *не видите*?

Тут до Джейвара внезапно дошло, что не дает ему покоя с того мига, как они вошли в храм. Какой привычной вещи не хватает. Вещи, которой полагалось мирно лежать на верхней грани зеленоватого мраморного алтаря.

– Отмычки! – рявкнул он. – Сперли? Какая сволочь? Зачем? Любому дураку известно – они не настоящие! Что теперь будет?

– Я тоже хотел бы это знать, – огорченно кивнул смотритель. – Видимо, кто-то побился об заклад, иначе не представляю, кому могли понадобиться несколько кусков старого железа. И все же я запрю двери. Кстати, вас не затруднит шепнуть при случае друзьями и знакомым – храм на Кривоколенной улице квартала Менджи будет замкнут по ночам, пока неведомые шутники не потрудятся вернуть взятое?

– Не затруднит, – Джай редко сердился, но тут взбесился по-настоящему. Даже в Шадизаре должно оставаться что-то святое, и этим святым всегда считались хранившиеся на алтаре старейшего в городе храма Бела Священные Отмычки – связка покрытых толстым слоем охристой ржавчины железяк причудливой формы, считавшихся неофициальным гербом города.

У каждого божества, как известно, имеются посвященные ему животные или предметы, являющиеся знаками его воплощения. Скажем, у Митры – рыжие кони и изображения солнечного диска, у Сета – кобра и черный коршун, у Иштар – голуби и жемчуг... Белу, боже-ству грабителей, в качестве амулета как нельзя лучше подходил инструмент его поклонников, сиречь отмычки. Их изображения, выполненные из дерева, золота, бронзы или железа, украшали каждое святилище. Их дарили в благодарность за удачно заверенное дело или перед началом такового, порой в храмах скапливались тысячи подношений самого разнообразного вида. Поскольку никто доподлинно не знал, как они должны выглядеть и сколько их (в легендах число Отмычек колебалось от пяти до пятнадцати), облик талисмана полностью зависел от фантазии мастеров и заказчиков.

И у какой-то заразы, мерзавца, лишённого даже капли уважения к традициям, поднимается рука на символ города, вещь, хранившуюся здесь не одно столетие!

Джейвар растолковывал историю похищенных Отмычек ученику, пока они шли к выходу и помогали молодому хранителю закрыть двери святилища на тяжеленный, цельнокованный из длинного медного бруса засов. Оба его конца утапливались в специально проделанные в стенах щели и накрепко удерживались там хитроумно сооруженными замками. Без ключей и знания некоторых секретов храм становился неприступной крепостью.

– Может, это научит их немного соображать, – злорадно сказал незнакомец, стукнув кулаком по намертво перекрытым створкам. – Кстати, в благодарность за труды... Тут неподалеку

есть одно славное заведение, его владелец – мой приятель, и оно должно вот-вот открыться. Я угощаю.

Маленький трактир в укромном переулке в самом деле оказался вполне приличным – тихим, чистым и немногочисленным. Для хранителя здесь держали отдельный стол, отодвинутый в дальний угол и отгороженный легкой деревянной перегородкой. Как требовали местные правила приличия, после первой кружки назвались – сначала гости, потом пригласивший.

– Джейвар, Джай Проньра. Это – Малыш. Он в Шадизаре совсем недавно, пока не заслужил ни приличного прозвища, ни имени. Он откуда-то с Полуночи.

– Думаю, у него еще все впереди, – черноволосый качнул головой, точно соглашаясь со своими мыслями, и с коротким смешком представился: – Я Альс, полностью – Аластор. Знаю-знаю, у моих родителей были нелады с юмором. Их можно понять: я появился на свет не то, чтобы совсем неожиданно, но крайне невовремя. Потому они и подобрали мне такое имечко – Дурной Глаз.

В какой-то степени оно соответствовало истине. Вблизи замечалось, что красавчик Аластор слегка косит. Этот физический недостаток считался одним из непреложных признаков обладания «дурным глазом», приносящим несчастья не только окружающим, но и самому владельцу.

Однако Джай, узнав, как зовут их нынешнего собеседника, поперхнулся слюной и закашлялся.

– Что-о? Ты – Аластор? Тот самый?

– Тот самый, который что? – безмятежно уточнил смотритель храма, разливая вино.

– Пять лет назад – казна немедийской управы по земельным и рудным делам в Барнетте. В конце того же года – оружейная сокровищница загородного королевского замка возле Керста, – с плохо скрываемым восхищением начал перечислять Джейвар. Конан удивленно глянул на наставника. Насколько он понял, нужно изрядно постараться, чтобы обитатели Города Мошенников начали испытывать к тебе уважение и знать твои сомнительные достижения наперечет. – Спустя два года – прогулка по офирским торговым домам от Ианты до Хорины. Нынешняя зима – дело в Аграпуре...

– Не слишком удачное, по правде говоря, – Аластор невозмутимо пригубил из своей кружки. – Много ненужного шума и беготни. Надо отдать должное тамошней страже – меня едва не сцапали на границе Турана и Заморы. Что ж, полезно иногда возвращаться домой, узнаешь о себе много любопытного. Время потрачено не зря, мне удалось чего-то добиться.

– Тебя называют лучшим, – осторожно заметил Проньра, все еще не веря, с кем свела его судьба, и уточнил: – Лучшим за последние пять... может, шесть лет.

– Лучшим и непревзойденным мастером минувшего десятилетия, начиная от года Красного Быка, остается покойный Бисенмейя Корноухий, – твердо возразил Аластор. – О том, что удавалось ему, я могу пока только мечтать. Утешает одно – такие подвиги не по силам и всем прочим. Что нового в нашем тишайшем захолустье? Я вернулся всего луну назад и не особенно прислушивался, о чем шепчутся по углам.

Сплетничать и обмениваться слухами в Шадизаре любили все и каждый, а потому компания из трех человек засиделась почти до полуночи. Потом Аластор сослался на назначенную встречу и ушел. Джай с сожалением посмотрел ему вслед и преувеличенно тяжело вздохнул:

– Конан, мы узрели живую легенду. Мне так его и описывали – редкостный воображала, но знающий себе цену и настоящий чудесник в том, что касается замков. Поразительно, отчего на перекрестках не треплются о том, когда он вернулся и что намеревается делать. Впрочем, он всегда держится в одиночку и его планы известны только ему. Чует мое сердце, скоро поднимется жуткий вой – каждый мало-мальски серьезный тип пожелает залучить это сокровище под свое крылышко. А мы, как всегда, останемся ни с чем.

– Почему?

– Посмотри правде в глаза, Малыш, – Проныра трагично потряс в воздухе полной кружкой, умудрившись не пролить ни капли. – Что мы из себя представляем? Шайку более-менее процветающих неудачников. Нас не трогают, ибо мы ни с кем не ссоримся и не суемся в чужие дела. И еще потому, что старина Джай из шкуры вон лезет, пытаюсь сохранить это положение дел, а вы ему всячески мешаете. Не-ет, такому человеку, как Аластор, у нас делать нечего.

– Однако ты сказал ему, где нас можно найти, – напомнил ученик.

– Что с того? Помяни мое слово – он забыл о нас, как только вышел отсюда... Но хотелось бы знать, у какого мерзавца хватило ума свистнуть старые бедные Отмычки? Они наверняка рассыпались у него в руках, так проржавели.

Джай Проныра ошибся. Аластор вскоре заглянул в «Уютную нору» – отдать дань вежливости и поболтать. По несчастливой – или счастливой, смотря как посмотреть – случайности в этот день там сидела гадалка Феруза.

Вскоре Джейвар и его приятели с горечью убедились: легендам тоже свойственны слабости. Аластор решил, что мир вращается вокруг госпожи иси-Мансур-ат'Джебеларик из Турана, и сделал очевидный вывод – он должен находиться там, где живет она. О своем решении он вежливо и доходчиво сообщил Ферузе. Та, несколько растерявшись, кинулась за советом к Лорне и Кэрли.

– Хватай за шкурку и держи крепче, пока не опомнился и не сбежал, – заявила практичная Кэрли и грустно подумала: – Несправедливо! Почему она, а не я?

– Или построю ему будку во дворе, или выкину вас обоих к демоновой бабушке, – пригрозила хозяйка трактира. – Мне надоело, что ты витаешь в облаках, а этот тип околачивается под дверями и ноет: «Где Феруза да где Феруза?»

– Но... – туранка выглядела донельзя смущенной. – Не могу же я сказать ему, чтобы он уходил! Я... Лорна, что мне делать?

Лорна закатила глаза, разразилась долгой (и наверняка неприличной) речью на бритунийском, закончив насквозь деловым предложением:

– Коли жить без тебя не может, пусть перебирается сюда, и весь сказ. Такой человек вам пригодится. Заодно присмотришься и сообразишь, нужно тебе эдакое добро или нет.

– Если нет, я постараюсь его утешить, – медово пропела Кэрли.

Ради общества Ферузы Аластор соглашался на все. Даже на смешки за спиной и грубоватое утверждение невоспитанного Райгарха: «Нет дурака хуже, чем втюрившийся дурак». Аластор не скрывал, что считает рыженькую туранку лучшим, что может породить этот город и эта страна, но не требовал от девушки большего, чем она могла дать. Боги наделили его неиссякаемым запасом терпения – он спокойно ждал, не навязываясь и не пытаясь добыть желаемого силой. Когда и если Феруза примет решение, он узнает об этом первым. По мнению жившей в «Норе» компании, гадалке, угодившей в настоящую тихую осаду, давно следовало сдать. Однако она тянула, не спеша с ответом.

Как-то само собой, без обсуждений и долгих споров, вышло, что Аластору досталось второе место после Джая. Все признавали, что он умнее, сообразительнее и опытнее их сообщества, и вполне заслуживает места вожака. Сам взломщик утверждал, что ненавидит принимать решения и командовать, а посему вполне удовольствуется скромной ролью советника.

Такая точка зрения не имела ничего общего с шадизарскими порядками, ибо каждый стремился занять местечко повыше, однако Аластор всегда поступал только в согласии с собственными воззрениями. Таким уж он уродился на свет и не собирался меняться.

В общем, тип по имени Дурной Глаз относился к небольшому числу тех редко встречающихся людей, которым, как гласила местная поговорка, «удобно в их собственной шкуре».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Утренние заботы

Кэрли лежала, прислушиваясь к разудалым выкрикам с заднего двора, и копила злость. Когда накопится достаточно, она встанет, отыщет двух мерзавцев – Ши и наверняка помогавшего ему Аластора – и выскажет им все, что о них думает. Бабушка Кэрли по материнской линии родилась в Асгалуне, и внучке (подлинное имя которой звучало как Кэтерлин-Нирена Бар-Азарак) передалось ее несравненное умение затевать скандалы, после которых противник долго не мог очухаться.

Ши, по мнению Кэрли, вполне заслуживал небольшой взбучки. Только ему мог придти в голову столь пакостный замысел: прокрасться ночью в комнату бедной девушки, растянуть над кроватью простыню и заорать прямо в ухо: «Кэрли, пожар! Потолок рушится! Беги!»

Распахнув глаза, она увидела серое полотнище, медленно опускающееся прямо на нее. Спросонья Кэрли приняла его за обвалившиеся балки, и заголосила, призывая на помощь.

Ответом ей послужил дружный хохот, шлепанье убегающих ног и стук захлопнувшейся двери. Убедившись, что это обычная ткань, Кэрли начала выпутываться из складок, проклиная все на свете.

Именно в этот момент ворвались услышавшие ее крик Феруза и Джай. Туранка, поняв, что имел место очередной розыгрыш, откровенно расхохоталась и ушла. Лицемер Джай пообещал, что непременно отыщет виновных и поинтересовался, не нужен ли пострадавшей сторож на эту ночь, дабы происшествие не повторилось. Кэрли без малейшего сожаления выставила Проныру за дверь, а дверь подперла сундуком.

Заснула она с трудом. Сначала долго прислушивалась к малейшему скрипу в коридоре и на лестницах, попутно размышляя о судьбе таинственного золотого жезла, два дня назад похороненного в нужнике. Джай и Конан затруднялись даже представить, что такое они могли прихватить в доме городского советника Намира по прозвищу Гнус. Вещица, уложенная в бархатный футляр, хранилась вместе с остальными безделушками. Проныра счел ее вполне привлекательной, чтобы забрать, сунул в мешок, остальное компания видела сама. Феруза несмело предположила, что жезл мог оказаться пресловутой «волшебной палочкой» или предметом какого-либо культа. Это вызвало сдержанное отвращение Конана – по неведомым причинам он недолюбливал магию и все, с ней связанное.

Сошлись во мнении, что Ши поступил верно. Трактирщица Лорна покривила губы, сказав, что лучше бы жезл бросили в огонь, но, поскольку извлечь его невозможно, пусть остается там, где есть.

Зевая, Кэрли неохотно выбралась из-под покрывала и поковыляла к умывальному тазику. Умылась, попутно напомнив себе, что надо будет пожаловаться Лорне – слуги опять ленятся менять воду по утрам. Протянула руку к щетке для волос... и нахмурилась, заметив подозрительный выступ на резной спинке кровати, которого еще вчера не существовало. Опять чьи-то шуточки?

Не долго думая, девушка запустила в неведомо откуда взявшуюся завитушку расческой. Та издала короткий недовольный звук, сорвалась с места и, враскорячку пробежав по одеялу, запрыгнула на подоконник. Конечно, Мириана. Кто же еще? Влезла через открытое окно и устроилась ночевать.

Мириана принадлежала Райгарху. Это была ящерица – здоровенная нахальная тварь длиной в пять или шесть ладоней. В Туране ее сородичей именуют ксилу. Они обитают в пустынях, охотятся на мелких зверьков и довольно непривлекательны на вид: в каких-то выростах,

складках, морщинах, да еще с маленькими рожками на чрезвычайно самодовольной морде. Однако Райгарх полагал свою любимицу редкостной милашкой.

К сожалению, за время жизни с асиром Мириана обзавелась уймой дурных привычек содержанки – вороватостью, склонностью к подхалимству и невоздержанностью в еде и питье. Красть она предпочитала мелкие блестящие вещицы, которые изобретательно прятала. Пищу и выпивку с милой бесцеремонностью заимствовала из тарелок постояльцев. Райгарха это забавляло, прочих раздражало. Хисс проникся к ящерице лютой ненавистью – после того, как она разбила и вылакала купленную им втридорога бутылку редкого вина – и вынашивал планы ее убийства.

Худшим из качеств Мирианы являлась способность быстро менять цвет в зависимости от окружающей местности. Стоило ей неподвижно посидеть на столе или стене – и ее не отличишь от досок или камня. Последняя выходка Мирианы едва не привела к тому, что трактир лишился старшего повара. В поисках тени ксилу забралась в кладовку, где хранились колбасы и другие копчености, уцепилась за свободный крюк и задремала. Почтенный Гикол, явившись за припасами к ужину, снял ее оттуда и бросил в общую корзину, пребывая в полной уверенности, что имеет дело с безобидным окороком. Очутившись на разделочной доске, ящерица внезапно проявила любовь к жизни, вернулась к истинному обличью и дала деру.

Гикол клялся, что треклятая зверюга нарочно ждала, пока над ей не занесут нож и только тогда пошевелилась. Ужин в тот вечер подали после наступления темноты, ибо Лорне пришлось уговаривать разгневанного кухаря не бросать «Нору» и заверять, что подобного впредь не повторится. Райгарх в течение двух последующих дней вел себя на удивление тихо, а ксилу где-то пряталась.

– Кыш отсюда! – Кэрли замахнулась на чешуйчатое создание подушкой. Мириана прошипела нечто оскорбительное и гордо удалилась вверх по стене. Девушка выглянула в окно, подтащила поближе табурет и уселась совмещать приятное с полезным – взирать на бесплатное представление и причесываться.

Обычно на задних дворах принято разбивать огороды, строить загоны для животных или сараи для лишнего имущества. Лорна поступила в согласии со своим разумением и наперекор традициям. Невысокий каменный забор разделял двор на два участка – побольше и поменьше. Тот, что поменьше, расчистили и засыпали мелким песком. В углу возвели диковинного вида постройку из тонких брусьев, канатов и перекладин. Жильцы «Норы» частенько имели отношение к военному делу, вот британка и решила создать для них место, где можно размяться и позвенеть оружием без помех и лишних глаз.

Другую часть двора занимал крохотный садик – узкие дорожки, ровно подстриженные кусты акаций, неизменный туранский жасмин и редкий в Замоге белый шиповник. Лорна потратила кучу денег, чтобы ей привезли несколько кустов аж из самой Аквилонии. Посреди рощицы виднелся легкий полосатый навес, под ним стояли вкопанные в землю стол и скамейки из бамбуковых стволов. Здесь велись переговоры, обсуждались дела и заключались сделки. Небольшой круг людей также знал, что в глубине сада прячется беседка из лиан, а в ней находится низкая и очень удобная кушетка с одним большим недостатком – она скрипела. Мужская часть постояльцев время от времени меняла разболтавшиеся пружины и чинила порванную обивку. Ши заверял, что кушетка служит отличным способом проверить, есть ли у вашей подруги чувство юмора. Если засмеется, слыша ритмичный скрип, значит, с ней можно иметь дело. Если нет – подыскивайте другую.

С утра сад пустовал, зато на песчаной площадке жизнь была ключом. Сооружение, прозванное Аластором «Костоломкой», облюбовали Хисс и Джай, но вместо того, чтобы подтягиваться, они глазели на Райгарха и Конана. Хисс заметил торчавшую в окне комнаты девушку, махнул ей рукой, указав на парочку варваров.

Кэрли не разбиралась в воинских искусствах, однако, как всякая жительница Шадизара, знала многое о приемах уличных потасовок и том, как отвадить чересчур назойливого уха-жера. Насколько она понимала, Райгарх натаскивал Конана на владение именно этими уловками, вполне заслуживавшими наименования «грязных». Вдобавок асир считал необходимым сопровождать занятия потоком разнообразных указаний, перемежаемых с прямыми оскорблениями. Кэрли вначале решила, что так и полагается, но позже догадалась: столь странным образом Райгарх пытался отучить Конана от вспыльчивости и привычки по любому поводу кидаться в драку. Тот порой слишком болезненно воспринимал любые шутки и высказывания в свой адрес.

Две луны относительно спокойной жизни сделали диковатого мальчишку-варвара отчасти похожим на человека. Кэрли с сожалением размышляла, что Малыш мог бы обращать побольше внимания на тех, кто живет рядом с ним, и старалась почаще попадаться ему на дороге. Хисс, заметив ее поползновения, безжалостно высмеял приятельницу, заявив, будто Малыш по причине крайней молодости и совершенно иного воспитания вряд ли понимает ее намеки. Потом добавил:

– Никак не могу определить, о чем он думает. Он впитывает все, что видит и слышит вокруг, точно сухой песок – воду, но попробуй-ка догадайся, что творится в этой лохматой черепушке!

Кэрли поневоле пришлось согласиться. Конан успешно осваивал местное наречие (этим занимались Феруза, Джай и иногда Аластор), вроде бы завел дружбу с Ши, питал уважение к Райгарху и почему-то к Лорне, но оставался такой же загадкой, как в первый день своего появления. Феруза выяснила, что до прихода в Шадизар Конан побывал в Халогге, столице далекой полуночной страны Гипербореи, и вынес оттуда не самые лучшие воспоминания. Он никогда не говорил, почему решил покинуть родину, куда направляется и что пережил по пути. Райгарх предположил, что в Халогге его ученик угодил то ли в рабы, то ли в гладиаторы поневоле, и лучше умрет, чем скажет словечко о прошлом.

Компания не настаивала – здесь, в Шадизаре, расспросы не приветствовались. Ты то, что ты есть, что о тебе думают и на что ты способен. Этот город и его люди живут нынешним днем, а не вчерашним и не завтрашним. Конан стал одним из них, все остальное не имеет значения.

– Шевелись! Моя бабушка, когда ей стукнул девятый десяток, и то скакала резвее! Да двигайся, не стой на месте! Вот напасть на мою голову... Кувырок! Разворот налево! Налево, я сказал, нечего щелкать клювом! Ты лево от право отличаешь? Пошел!..

Задумавшаяся Кэрли вздрогнула. Голос Райгарха обладал способностью разбивать вдребезги любые мечтания. Асир безостановочно гонял Конана по площадке, тот увертывался, совершая порой, по мнению зрительницы, настоящие чудеса проворства и гибкости. Ей нравилось смотреть, как движется Конан – стремительно и непредсказуемо. Звери в лесу, наверное, так ходят. Кэрли не доводилось побывать в настоящих чащобах (она надеялась, что никогда не доведется, что там интересного?), диких животных она видела только за решеткой зверинца, но, если верить рассказам... А Малыш красивый. Вернее, не столько красивый, сколько необычный. Аластор, вот кто действительно красив и сам это отлично знает. Малыш, похоже, даже не догадывается. Какие у него глаза, Кэрли ни у кого не встречала похожих – яркого светло-голубого цвета... Странный парень. Очень странный. Шкатулка с секретным замком. Пожалуй, хорошо, что Феруза привела его сюда и настояла, чтобы ему разрешили остаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.